

Тайна, покрытая мраком

Татьяна ПОЛЯКОВА

авантурный детектив

«Татьяна Полякова создает свои романы согласно всем законам бестселлера! Ее сюжеты всегда непредсказуемы, а героини – уверенны в себе, привлекательны и незаурядны. Они не только с блеском решают самые сложные загадки, но и меняют к лучшему собственную жизнь!»

Журнал «Отдохни!»

Annotation

Старушенция, у которой я работала компаньонкой, врала на каждом шагу. Что из ее рассказов ложь, а что правда, можно было только гадать. Но, потратив кучу времени, я все-таки выяснила — последним местом ее службы был драматический театр, и вздохнула с облегчением: не окажись бабка актрисой, человечество много бы потеряло, так как актриса она от бога, запросто изобразит что угодно. Например, умирающую. Вот и сейчас, собираясь в очередной раз помирать, она потребовала отыскать ее любимого внука Андрюшеньку. С ним она разругалась пять лет назад и с тех пор не виделась. Как только я ввязалась в эту историю, поняла: кому-то очень не хочется, чтобы снова возник вопрос, куда подевался внучок. Его подозревают в убийстве... Вероятно, по этой причине старушенция полицию избегает и искать внука предоставила мне. Задание оказалось — поди туда не знаю куда. И чем дальше я шла, тем страшнее становилось...

— Чувствую, недолго мне осталось мучиться, — заявила Теодоровна, сурово глядя на меня. И тон бабки, и ее взгляд прозрачно намекали: во всех ее бедах виновата я, хотя она еще и не решила, как именно.

До этого момента я пребывала в сладких грезах, представляя дом на берегу теплого моря с собственным бассейном и отпадным видом из окна. И прикидывала, хватит мне трех спален или лучше выбрать дом попросторнее в расчете на детей, которых еще надо было завести, а для начала выйти замуж, желательно за красавца-брюнета с отличной фигурой, покладистым характером и намерением любить меня долго и неумолимо в ближайшие пятьдесят лет. В очереди никто не стоял, но мечтать мне это не мешало. Последние полгода своей жизни я только этим и занималась, что позволяло избавляться от занудства старушенции. Ко всему прочему от подобных фантазий, с моей точки зрения, была явная практическая польза: если когда-нибудь наткнусь на грузовик, полный денег, не придется долго гадать, на что их потратить. Фантазии мои подразделялись на две группы: мечты по максимуму (дом на море, красавец-брюнет, безразмерный счет в банке и весь мир у моих ног) и мечты по минимуму — в этом случае я, как известный персонаж, на вопрос: «сколько вам надо для полного счастья?» — могла ответить с точностью до копейки: два миллиона восемьсот пятьдесят тысяч плюс тридцать тысяч на поездку в Турцию (неделя беззаботной жизни на море), дальше сама справлюсь. Итого: два миллиона восемьсот восемьдесят тысяч рублей.

Грустно сознавать, что такие деньги на горизонте не маячили. А значит, со счастьем придется повременить. Оттого в тот вечер я и мечтала по максимуму. И то, что бабка вернула меня в этот мир скорби и печали, здорово разозлило.

— С чего это вдруг? — задала я вопрос, с подозрением к ней приглядываясь. Выглядела она как обычно: не хуже и не лучше.

— Ах, милочка, — вздохнула старушенция. — В моем возрасте, чтобы умереть, особых причин не нужно. Разумеется, малолетней дурочке вроде тебя этого не понять.

— Куда уж мне, — съязвила я.

Бабка положила ладошку на тощую грудь и добавила со вздохом:

— Сердце, зараза, болит.

— Давайте отвезу вас к доктору, — предложила я, пытаюсь отгадать, что там с ее сердцем: действительно болит или Теодоровна по обыкновению наводит тень на плетень. Я склонялась ко второму, но беспокойство уже закралось в душу, а ну как для разнообразия бабка сказала правду?

Верить ей я была в принципе не склонна, потому что врала она много, самозабвенно и весьма изобретательно. Начнем с того, что здорово намудрила с возрастом. В день нашего знакомства, полгода назад, она заявила, что родилась в Лондоне в семье российского дипломата. По-английски бабка и вправду говорила куда лучше, чем я, и я скушала ее историю, глазом не моргнув. Следующие недели три я продолжала слушать бабку, открыв рот. Милана Теодоровна в прошлом актриса, само собой, выдающаяся. Служить ей доводилось во многих театрах, старушка козыряла названиями, вгоняя меня в ступор. Были

среди них и «Ковент-Гарден», и даже «Ла Скала». И это я проглотила, потому что, по словам бабки, «являлась продуктом своего времени». Хотя она и произносила эти слова с ехидством ни с чем не сравнимым, приходилось признать ее безусловную правоту. В голове моей имелся ворох сведений, почерпнутых в основном из глянцевого журналов и Интернета. И к театрам я себя причислить не могла, в театре бывала нечасто, если уж совсем честно, то лишь два раза. В первый раз с мамой в кукольном театре, когда мне было лет семь, второй уже в институте: я вместе с одноклассниками отправилась в Большой театр на «Лебединое озеро». От первого посещения воспоминаний практически не осталось, из второго я вынесла убеждение, что под классическую музыку приятно мечтать и танцоры на сцене нисколько этому не мешают, что приятно вдвойне.

Застукав меня как-то с любовным романом в руках, бабушка разразилась тирадой, что воспитать себя достойным человеком можно только на классике. И тут же принялась сыпать фамилиями авторов, по большей части мне неизвестных, и, подозреваю, таких же замшелых, как сама старушка. Из интереса к ее внутреннему миру пару книжек из названных ею я все-таки прочитала и пришла к выводу, что они вряд ли способны на меня повлиять, хотя бы потому, что засыпала я, как правило, уже на пятой странице, а проснувшись, ничего из прочитанного вспомнить не могла; это вовсе не мешало, развесив уши, слушать бабушкины рассказы, уж очень здорово у нее выходило. Одно время я даже начала воображать себя актрисой... Перед глазами почему-то упорно маячила Анджелина Джоли, потом неизменно появлялся Брэд Питт, и я с легкостью переключалась с брюнетов на голубоглазых блондинов. Блондины, к сожалению, тоже в очереди не стояли.

Короче, я свято верила бабушкиным рассказам, пока в ее повествовании не возник Немирович-Данченко. Бабушка с ним приятельствовала, и он посвятил ей в своих воспоминаниях две главы, седьмую и шестнадцатую. Как видно, старуха считала меня совсем дремучей, однако о Немировиче-Данченко я кое-что слышала, и бабушкин рассказ вызвал смутные подозрения. Выглядела она, по моему мнению, лет на сто, однако я решила-таки уточнить возможный временной диапазон и забила в поисковую строку любимого планшета известную фамилию. Вышло, что блистать на сцене рядом с ним бабушка никак не могла, если Теодоровна не из породы бессмертных, разумеется. Кстати, я охотно могла допустить, что ей и вправду перевалило за сотню, однако в этом случае наш президент просто обязан был поздравить ее с очередным юбилеем, учитывая демографическую ситуацию в стране и все эти разговоры, что наши граждане и до пенсии не всегда доживают.

В общем, я заподозрила бабушку в злостном запудривании моих мозгов и к ее рассказам стала относиться с сомнением. Вновь обратилась к помощи Интернета и выяснила много интересного: в «Ла Скала» драматической актрисе просто нечего делать, а в списках «народных» фамилия старушечки не значится. Я пошла дальше и, когда бабушка спала, а днем она спала часа три-четыре, не меньше, малость покопалась в ее бумагах. Ими был забит целый шкаф в ее кабинете. И очень скоро обнаружила свидетельство о рождении. Паспорт бабушки я не раз видела, в нем черным по белому значилось полное имя: Милана Теодоровна Остроумова-Меллер. Согласитесь, звучит впечатляюще, так что и в «Ковент-Гарден» охотно поверишь. Чуть ниже в паспорте имелось обширное жирное пятно, и о возрасте Теодоровны и месте ее рождения оставалось лишь догадываться. Я решила, бабушка поставила пятно нарочно, чтобы никто о ее годах не знал. Вполне извинительное желание казаться моложе, чем ты есть на самом деле (я сама с легкостью врала, что мне двадцать пять, а иногда и двадцать три, если уж совсем нагнала), хотя в бабушкином случае разница в десять или

двадцать лет, с моей точки зрения, по существу ничего не меняла. Так вот, обнаружив свидетельство о рождении, тщательно запрятанное в шкатулку с лакированным верхом, я долго чертыхалась сквозь зубы, потому что бабка намудрила не только с возрастом (оказалось, что ей всего-то восемьдесят один год, а не сто, щедро отвешенных мною), но и с именем: звалась она Маланьей Федоровной Востриковой, а родилась в деревне Блудово, так что о папуле дипломате можно было тут же забыть. Возмущение переполняло, и я, не сходя с места, поклялась старушке в принципе не верить, однако знание английского языка плюс французский все же оставалось, и кое-что еще в придачу, и теперь я гадала: что из бабкиных рассказов вранье, а что правда. Потратив кучу времени, я выяснила, что последним местом ее службы был драмтеатр в небольшом сибирском городе, и вздохнула с облегчением: не окажись бабка актрисой, я бы здорово расстроилась, а человечество много бы потеряло, потому что актриса она точно от бога, запросто изобразит что угодно. Например, умирающую.

Однако, несмотря на данное самой себе слово ни при каких обстоятельствах не верить Теодоровне, мое беспокойство все нарастало. Здоровье у старушки вполне в норме, но кто знает... Восемьдесят один год тоже возраст. Я даже решила, что ждать завтрашнего дня не стоит, можно прямо сейчас позвонить Ивану Христофорычу. Кстати, тот еще фрукт. Немногим моложе бабки, крупный дяденька в неизменном клетчатом пиджаке и галстук-бабочкой. С лысым шишковатым черепом и в очочках без оправы. Он жил неподалеку в старом доме из красного кирпича на две квартиры. В подъезде ковровая дорожка, горшок с фикусом, а на его двери вместо звонка собачья лапа из бронзы, которой надлежало как следует бухнуть, и не один раз, потому что Христофорыч был глуховат. А еще была золотая табличка с надписью «Любимцев И. Х., профессор медицины». Может, он и вправду профессор, но по мне так просто старый дурень. Бабку я возила к нему примерно раз в две недели.

— Ну-с, как наши дела? — важно спрашивал он.

Они устраивались в креслах и часа полтора пили чай, вспоминая былых знакомых, по большей части уже покойников. При этом Христофорыч упорно называл бабку «моя прекрасная Матильда», что лишь укрепляло мои подозрения о прогрессирующем маразме, целовал ей руки и умильно улыбался, слушая ее нытье, что времена уже не те. Потом бабка снимала блузку розового цвета с рюшами и брошь гигантских размеров (подарок австрийского посланника, который был безнадежно влюблен), а Христофорыч вооружался стетоскопом и минут пять счастливо дремал с открытыми глазами, после чего с улыбкой заявлял:

— Неплохо, да-с, совсем, скажу я вам, неплохо... — И вручал бабке пузырек с каплями.

Первые два дня после визита к нему бабка порхала по дому точно бабочка и даже предпринимала вылазки в город, в торговый центр или в парк, где бродила точно привидение, летом с кружевным зонтом, а зимой с побитой молью меховой муфтой на атласном шнуре неопределенного цвета. Народ таращился во все глаза, а бабка ехидно ухмылялась. Одно время я даже заподозрила, может, старый хмырь ей наркоту втюхивает для придания бодрости, хлебнула из бутылка, но никаких перемен в себе после этого не обнаружила и успокоилась.

Мое предложение немедленно позвонить Христофорычу на этот раз было встречено совсем не благосклонно. Бабка только рукой махнула. Уговорить ее показаться нормальному врачу возможным не представлялось. Им старушенция не доверяла, обзывая неумехами.

— Что нынешняя молодежь может смыслить в медицине? — говорила она, закатив глаза. — Им лишь бы денег содрать побольше. Нехристи... Вот был у меня знакомый доктор, хирург с мировым именем...

Далее следовал очередной рассказ, в нем неизменно присутствовала большая любовь (в бабушку влюблялись все когда-то встреченные ею мужчины), ответить на которую она не могла, потому что ее сердце безраздельно принадлежало искусству. Театр — ее единственная любовь. Надо полагать, взаимностью ей не ответили. Хотя, как знать... С Теодоровной никогда наверняка ничего не скажешь. От ее трепотни иногда голова пухла, но скучно с ней точно не было.

Тут, пожалуй, стоит пояснить, как меня сюда занесло. Я имею в виду, как меня угораздило стать сиделкой или, следуя бабкиной терминологии, «компаньонкой» старушечки, неумоимо впадающей в маразм.

Двадцать семь лет моей жизни прошли вполне счастливо, хоть и без особых событий. Мою биографию смело можно назвать ничем не примечательной (еще один повод предаваться фантазиям). Родилась я в небольшом городке (ну хоть не деревня Блудово — уже хорошо), в обычной семье, где мама — работник собеса, а папа — инженер, окончила школу, тоже самую обычную, и отправилась в областной центр поступать в университет. Поехала я больше за компанию, в университет мечтала поступить моя подруга Ирка, тяготевшая к юриспруденции. Я ни к чему особо не тяготела, но о необходимости образования была наслышана и против юриспруденции не возражала. В совместных мечтах мы делали блестящую карьеру, я видела себя за рулем шикарной тачки, в стильном костюме и с мобильником в руке, который звонит не переставая: клиенты жаждут получить консультацию (нам мерещилась адвокатская контора, что-то вроде «Гроссман, Смирнов и сыновья»). Счет в банке растет не по дням, а по часам... Или вот еще... я бегу по городу на высоких каблуках, в том же стильном костюме, в одной руке стаканчик с кофе, в другой — мобильный, который звонит беспрестанно... вокруг почему-то небоскребы. Что-то похожее не раз и не два я видела в американских фильмах... В общем, фантазии на троечку. Девиц с такими же мечтами пруд пруди. А есть еще и парни.

Короче, вместо юридического мы оказались на факультете социологии, куда на всякий случай тоже подали документы. Потратив год, я худо-бедно вникла в предмет, но так и не смогла постичь, какая может быть польза от этой самой социологии. Ирка бросила университет на втором курсе, потому что поступила только на платное отделение, учиться и работать у нее не получалось, а родители за учебу платить не могли. Подружка вернулась домой и стала работать парикмахером, закончив курсы. Благодаря ее стараниям волосы у меня просто загляденье. Ирка успела выйти замуж, родить ребенка... Если честно, я ей даже завидовала. По сравнению с моей жизнью ее была событиями чрезвычайно богата.

Как бы то ни было, но через положенные несколько лет я таки стала обладательницей диплома о высшем образовании и тут же обзавелась легким беспокойством в душе: куда с этим дипломом податься.

Но мне повезло: бывшая соседка по общежитию устроилась в весьма солидную фирму, где вскоре освободилось тепленькое местечко. Я шла на собеседование, очень сомневаясь в удаче. Предполагаемая должность не имела никакого отношения к социологии. Но подруга сказала: да по фигу, лишь бы диплом был. И оказалась права. Меня приняли на работу, и очень скоро мои мечты, уже подзабытые, начали стремительно претворяться в жизнь. Туфли на каблуках, стильный костюм и мобильный, беспрерывно звонивший.

С 9.00 до 19.00 я прилежно трудилась. Потом, заскочив на полчаса в съемную квартиру (приличный район, новый дом, хороший ремонт), отправлялась развлекаться с друзьями в ночной клуб... Чья-то дача, иногда киношка... Три коротеньких романа. Двое претендентов на долгую и счастливую совместную жизнь, по здравом размышлении, мне не подошли, третьему не подошла я, о чем сказать мне он так и не решился и попросту исчез, сменив адрес и мобильный. Довольно длительные отношения (девять месяцев и тринадцать дней) с женщиной на двенадцать лет старше меня закончились неутешительно, между делом выяснилось, что он женат и в семействе со дня на день ждут прибавления. Еще год случайных знакомств с более-менее удачным сексом (чаще менее, чем более), и я начала впадать в легкую панику. Время стремительно несло вперед, а тот единственный все не появлялся. Свободных мужиков вокруг становилось все меньше, а разговоры моих подружек все чаще сводились к следующему: нет, вы подумайте, эта дура (дур везде пруд пруди) замуж выходит, а у меня даже постоянного мужика нет. Страшное словосочетание «старая дева» еще не произносилось, но все к тому неумолимо скатывалось. Обе мои верные подруги по развлечениям скоропостижно сошли с дистанции, не дожидаясь предложения руки и сердца и довольствуясь туманным «давай поживем вместе». Одна силилась выглядеть счастливой, другая громко материлась, призывая на голову «этого придурка» все возможные несчастья, но порвать с ним не торопилась, а я гадала, который из этих вариантов и меня ожидает, и в знак протеста решила выйти замуж исключительно по большой любви. А ежели таковой не случится, буду жить в гордом одиночестве. И никаких клубов и случайных связей.

Придерживаться последнего пункта было легче легкого. К тому времени посещать клубы мне было не с кем, подружки при мужиках, а одна не пойдешь. В ожидании любви я решила заняться обустройством быта, купила по ипотеке квартиру и машину в кредит. Чем спускать деньги на развлечения, лучше потратить их с пользой. Я успела переехать в новую квартиру и дважды попасть в незначительную аварию на своей «Шкоде», прежде чем грянул гром, как пишут в романах. Совладелец фирмы, в которой я работала, вдруг решил, что компаньон ему без надобности. Следовало тихо отсидеться в надежде, что перемены лично на мне не скажутся. Но меня внезапно обуяла жажда справедливости, и я вместе еще с двумя-тремя такими же недотепами приняла самое деятельное участие в возникшем конфликте. Итог оказался плачевным. Мы вслед за бывшим хозяином оказались на улице, с перспективой искать себе другое место, а в других местах, кстати сказать, нас не ждали, потому что теперешний единоличный хозяин фирмы в отместку принял небезуспешные шаги к тому, чтобы «склочников и скандалистов» вроде нас приличные люди и на порог не пускали.

Надо сказать, что боевой задор еще всюду бушевал во мне и в панику я впадать не спешила, для начала решив умерить свои требования. Сойдет скромная зарплата, лишь бы было чем за ипотеку платить. Но мой диплом особого впечатления не производил, а желающих трудиться за скромные деньги оказалось куда больше свободных мест. Денежки, отложенные на отпуск, стремительно таяли, и перспективы выглядели туманно. Я уже подумывала: а не податься ли в продавщицы? С квартирой в этом случае придется распрощаться. Родители вызвались мне помогать, но я-то знала: моя ипотека — ноша для них непосильная, это во-первых, а во-вторых, свои проблемы надо решать самой, а не сидеть у папы с мамой на шее, там уже есть один сиделец — мой великовозрастный братец с алиментами на двоих детей и ставкой киномеханика в клубе железнодорожников. В общем, я подыскивала покупателя на свою машину, перешла на полезную овсяную кашу, сократив бюджет до минимума, и дни напролет рылась в Интернете в поиске вакансий.

И тут соседка, заглянув ко мне вечером с черничным пирогом и чаем в пакетиках, поинтересовалась, как идут мои дела, и, выслушав краткий отчет об очередных неудачах, вдруг заявила:

— У меня есть знакомая старушка, давняя клиентка. — (Соседка у меня портниха, причем с обширной клиентурой.) — Так вот, ей нужна сиделка. Бабка, к слову сказать, не сахар, но деньги обещает приличные. Просила подыскать ей девушку, одинокую, потому что жить у старухи придется. Порядочную, чтоб не обворовала, не дуру, потому что предыдущая сиделка, по ее словам, чуть в гроб не вогнала своей глупостью, и симпатичную, это чтоб с ней не стыдно было на людях показаться. Я бы еще добавила — терпеливую, потому что бабка заговорит любого. Само собой, такая работа не предел твоих мечтаний, но... может, временно?

— А сколько платит? — Зойка назвала сумму, возбудив тем самым заметный интерес, потому что деньги и впрямь были весьма приличные. — Я бы с радостью, — сказала я, однако тут же возникли сомнения: — Но ведь в сиделки обычно берут людей с медицинским образованием.

— Это если за больным ухаживать, уколы делать и все такое... Бабуся очень резвая, еще простудится на наших похоронах. Ей просто скучно. Она совсем одинокая, из родни никого, подруги все перемерли. А деньги водятся, уж не знаю откуда. Раз в год гардероб обновляет. Капризная, вредная, к тому же матерщинница, так припечатает, только держись. Но можно потерпеть, пока работу не найдешь.

— Конечно, можно, — закивала я и уже на следующий день отправилась по адресу, который сообщила мне Зойка.

Старушке соседка позвонила в тот же вечер, красочно расписав мои достоинства, и получила милостивое согласие взглянуть на «кандидатку», как выразилась бабка.

— Спасибо, — обрадовалась я, а Зойка криво усмехнулась:

— Подожди благодарить.

В назначенный час я подходила к дому в Монастырском переулке. Переулок был назван так неспроста, монастырь имел место. Высокие белые стены, а за ним пятиглавый храм с высокой колокольней. В переулке оказалось всего два здания, музыкальная школа № 3 из красного кирпича, трехэтажная, еще дореволюционной постройки, и деревянный одноэтажный дом, выглядевший весьма солидно, хоть и был, судя по всему, старше своего соседа. Монастырский переулок в историческом центре города, чуть в стороне от оживленных улиц, строительство здесь запрещено, однако любой запрет при желании можно обойти, так что оставалось лишь гадать, каким чудом дом до сих пор не снесли. Он был выкрашен серой краской, белые наличники, арочные окна. Я подумала, что раньше в нем жили люди состоятельные, скорее всего дворяне. В общем, фантазия опять разыгралась. С левой стороны к дому примыкала застекленная веранда, с правой — тоже веранда, но открытая. Резные столбы служили опорой для плетистых роз, они были припорошены снегом, но нетрудно догадаться, как будет выглядеть веранда летом, когда десяток кустов разом зацветет... Странное дело, я не раз проезжала мимо, но на дом внимания не обращала. В памяти остался лишь деревянный забор, тоже серого цвета, с белыми столбами из камня. Забор не то чтобы очень высокий, но выглядит надежно. Прямо передо мной калитка, чуть дальше ворота. Калитка была снабжена домофоном, я нажала кнопку и вскоре услышала голос:

— Что надо? — осведомились не очень вежливо.

Я назвалась, слегка заикаясь от внезапного волнения, хотя повода особо волноваться вроде бы не было. Ну да, я хотела получить это место, и понравиться старухе было немаловажно, но девушка я вообще-то в себе уверенная, и нате вам...

Короче, я назвалась, калитка открылась, и я оказалась во дворике, недавно расчищенная от снега дорожка из камня вела к высокому крыльцу. Вблизи дом выглядел даже величественно, что я успела отметить, поднимаясь по ступенькам. Дверь чуть приоткрыта. Громко кашлянув, я заглянула в прихожую и едва не присвистнула: огромное зеркало в резной раме, банкетки с ножками из бронзы, кружевные шторы на арочном окне... сплошной антиквариат. И ни души вокруг. Я опять громко кашлянула, надеясь привлечь к себе внимание, и услышала все тот же голос:

— Снимай пальто и сюда иди.

«Ничего себе порядочки в доме», — подумала я, определила пальто на вешалку с бронзовым драконом в основании, сняла сапоги и не без робости вошла в соседнюю комнату, судя по всему гостиную. В этот раз не удержалась и присвистнула. Такое впечатление, что время остановилось году эдак в семнадцатом. Прошлого века, разумеется. Или я вдруг оказалась в декорациях фильма из той эпохи. Диваны на гнутых ножках, две горки с фарфоровыми безделушками, резной комод, на котором среди прочего лежал веер, кружевной, посеревший от времени, напольные часы, которые как раз в этот момент стали отбивать полдень, я было вздрогнула от неожиданности, но потом порадовалась: пришла я точно в указанное время. Таращась на все это потертое великолепие, я далеко не сразу заметила старушеницу. Она сидела в огромном вольтеровском кресле, которое больше бы подошло какому-нибудь великану из детской сказки, а не сухонькой старушке небольшого росточка со сморщенным бледным личиком в обрамлении желтовато-серых кудряшек. Бабка была затянута в плиссированный ужас розового цвета (теперь-то я знаю: розовый — ее любимый цвет), с широким черным поясом и большим бантом на груди, который делал ее похожей на кошку-копилку. В руке старушеница держала самый настоящий лорнет и разглядывала меня без намека на приязнь.

— Здравствуйте, — пробормотала я, когда наконец ее заметила.

— Привет, — ответила бабка. — Выходит, Костромина Елена Юрьевна — это ты?

— Можно просто Лена, — кивнула я. — А вы Милана Теодоровна?

— Само собой, кто ж еще?

— Очень приятно, — кивнула я, не зная, подойти поближе или стоять в дверях.

— Мне пока не очень, — ответила бабка. — Ладно, заходи, садись и рассказывай: чего делать умеешь?

— А чего надо? — спросила я.

Бабка склонила голову на плечико, убрала лорнет и вздохнула:

— Меня терпеть.

— В буйство впадаете? — уточнила я, старушка хоть и похожа на пожилого гнома в гриме, но, судя по всему, могла и удивить.

— Бывает, — кивнула она. — Книжки читаешь? Говори честно. Глаза у меня совсем ни к черту, а почитать люблю.

— Если хотите, я вам аудиокниги принесу.

— Ага, — хмыкнула бабка. — Для теперешней молодежи чтение — непосильное интеллектуальное бремя. Вам бы все скетчи смотреть, — фыркнула бабка, а я удивилась, что ей знакомо слово «скетч», старушеница продвинутая.

— Я детективы читаю, — мягонько так съязвила я.

— Валяй, расскажи чего-нибудь, — кивнула Теодоровна.

— Чего рассказывать? — не поняла я.

— Детектив какой-нибудь.

— Зачем?

— Затем. Рассказывай. Или читала, но сразу забыла?

Примерно так дело и обстояло. Скажите, ну какого лешего мне детективы помнить? Может, фильм сгодится? Но я и фильм припомнить не могла... И начала придумывать свой детектив. Начинать нужно с трупа, вот и начнем...

Я ударилась во все тяжкие, бабка слушала внимательно, иногда ухмылялась, иногда хихикала. Когда я вошла в раж и начала получать удовольствие от собственного словоблудия, Теодоровна вдруг рукой махнула:

— Завтра доскажешь. С утра переезжай. Твоя комната вон там будет, — и ткнула пальцем куда-то за мою спину.

— Вы берете меня на работу? — решила я уточнить.

— Беру, беру. А сейчас ступай себе с богом.

— Вы бы хоть спросили, кто я, откуда... — дивясь на чудную старуху, сказала я.

— Так времени-то воз и маленькая тележка, потом все и поведаешь. Иди.

Я достигла двери, когда старуха вдруг позвала:

— Эй... как тебя там... ты ведь все выдумала?

— Что? — растерялась я.

— Детектив этот... — бабка засмеялась и опять махнула рукой.

В легком обалдении я вернулась домой, собрала вещи и утром заселилась к Теодоровне. Кроме меня и хозяйки, в доме обитали домработница Любка, шофер и по совместительству садовник Витя, а также кот, собака и попугай. Кота звали Пушкин, за чернявость, надо полагать. Хотя назвала его так бабка, а идеи у нее иногда самые неожиданные, и что она на самом деле имела в виду — поди разберись. Кличка вызвала у кота «комплекс Наполеона» и непомерные территориальные притязания. У него была личная комната в доме, а когда он появлялся в гостиной, красный плюшевый диван следовало немедленно освободить. Пес оказался дворнягой, и звали его Петровичем. Добрый, игривый и покладистый. В доме, с моей точки зрения, ему делать было нечего, и во дворе бы прекрасно устроился. Но он, интеллигентно дождавшись, когда ему вымоют лапы после прогулки, болтался вольно по всем комнатам, не рискуя заглядывать лишь в одну, ту самую, где жил Пушкин. Бабка начинала каждое утро со слов: «Александр Сергеевич, уже встали?», что доводило меня до тихого бешенства. Пушкин с Петровичем, можно сказать, дружили (Петрович отлично понимал, кто в доме главный) и люто ненавидели попугая. Попугай был крупным, яркой красно-зеленой раскраски и знал два слова: «Лежать, заразы!», которые начинал орать каждый раз всегда неожиданно, так что Пушкин подпрыгивал до хрустальной люстры, Петрович начинал нервно скулить, а Любка хваталась за сердце.

Любка, деваха двадцати пяти лет, прибыла с Украины вслед за большой любовью, которая не очень-то сюда звала. Познакомилась с парнем в своем Мелитополе, тот вскоре отбыл на родину, то есть в наш город, иногда позванивал, но чаще обходился эсэмэсками. Любка решила, что это ее судьба, и явилась аккурат за неделю до Нового года. Само собой, парень был женат, а Любка оказалась на вокзале со ста двадцатью рублями в кармане и справкой из полиции, что ее паспорт свистнули вместе с чемоданом и сумкой с домашней

колбасой, которую она везла любимому. «Это ж какой дурой надо быть», — думала я, слушая историю большой любви, хотя на своего «женатика» угробила кучу времени, так что выходило: я не умнее Любки.

Встреча с бабушкой произошла в парке, где Любка пристроилась на скамейке, утомившись вокзальной публикой, и горько плакала над своей судьбой. Бабушка проявила интерес, а затем и сострадание, и Любка попала в ее дом примерно за месяц до моего здесь появления. Она запросто могла бы вернуться на родину, документы ее чудесным образом нашлись, и денег скопить она успела. Но продолжала торчать тут, потому что, по ее словам, возвращаться без мужа было стыдно, может, подвернется кто подходящий, и вот тогда...

Надо сказать, что за первый месяц жизни в доме старушки Любка умудрилась довести себя до полной паранойи. Фантазия у нее оказалась побогаче моей. Очень уж ее интересовала судьба предыдущей прислуги, и вариантов здесь было множество: от начинки для пирожков, которые так любит бабушка, до перехода в параллельные миры, воротами в которые и является этот чертов дом с его чертовой хозяйкой. Особые подозрения у нее вызывал шофер Витя. Он был то киллером в бегах, то пришельцем в чужом обличье, то самым врагом рода человеческого, ловко прячущим рога и копыта. В доме Витька жил куда дольше нас, но установить, когда и откуда появился, возможным не представлялось. Высокий, плечистый, с довольно приятной физиономией, он всегда пребывал в полукоматозном состоянии. Ходил в высоких сапогах, куртке военного образца и фуражке с лаковым козырьком, но все это я легко списывала на причуды бабушки, которая решила вырядить его таким образом из своих весьма туманных соображений. При этом Витя слушал Фрэнка Синатру, игнорировал Интернет, был совершенно равнодушен к спиртному и футболу, смотрел сквозь меня и красавицу Любку и пользовался «Нokia» десятилетней давности. Причем звонила ему, судя по всему, только бабушка из соседней комнаты. Синатра вкупе с полным отсутствием интереса к Интернету у мужика лет тридцати пяти всерьез тревожили, вот я и решила, что Витька заразился от бабушки маразмом.

По вечерам мы обычно собирались в гостиной. Старушечья донимала рассказками, Любка сидела столбиком, ожидая подвоха от судьбы, Пушкин, развалясь, лежал в кресле, Петрович рядом с ним на полу, попугай в клетке ждал возможности заорать, а Витя увлеченно читал энциклопедию садовода, толстенный том в яркой обложке. Я заподозрила, а не прячет ли он в нем детективчик, изловчилась и проверила. Ничего подобного, в тот момент Витю остро интересовала обрезка деревьев весной, что лишь укрепило меня во мнении: маразм крепчает. Кстати, Любку бабушка называла то Надькой, то Веркой, редко Любкой, а иногда и Софьей. В этом моя подружка тоже искала подвох, но я ее успокоила, заверив, что некая логика просматривается, бабушка держит все четыре имени в связке, что совершенно справедливо исходя из православных календарей, но не может запомнить, какое из них относится к Любке. Хотя по мне, так память у Маланьи дай бог каждому, и она попросту придуривается, чтобы сделать нашу жизнь веселее.

Устраиваясь в сиделки, я намеревалась проработать здесь месяц, от силы два, но задержалась уже на полгода. Для себя я легко нашла этому объяснение: свою квартиру я сдавала разведенке, работавшей в банке, которая пока так и не решила: покинуть наш город или попытать счастья в замужестве еще раз. Квартирантку мне нашла все та же соседка Зойка. Денег за квартиру и тех, что платила старушка, вполне хватало, чтобы оплачивать кредит и ипотеку. Мне даже удавалось кое-что откладывать, потому что по нашему договору я не только жила в доме, но и кормилась за общим столом, то есть за счет все той же бабушки,

и затраты мои были самые мизерные: на зубную пасту и прочую ерунду. Так что продавать машину не пришлось. И работа не бей лежачего, бегай себе за бабкой да книжки читай ей на ночь. Последние два месяца вакансии я искала с заметной вялостью, все больше по привычке, из корыстных побуждений, перенося дату расставания с Теодоровной на неизвестный срок. Хотя, если честно, была еще причина куда более существенная: бабка, ее дом и обитатели-чудики мне нравились. И даже попугай не особенно допекал, хотя я и советовала ему не орать без особой надобности. Оттого заявление Теодоровны о ее близкой кончине и вызвало настоящего беспокойства. Мир много потеряет, если она и вправду его покинет. Мой-то мир уж точно. Не считая бабки, ничего особенно интересного в нем не было.

— Я уж и сама вижу, что зажились, — вновь вздохнула старушка.

— Да ладно, — нахмурилась я. — Выглядите прекрасно, а потом, куда вам спешить?

— Померла бы с удовольствием, — съязвила она. — Но придется еще помучиться. Надо этих олухов сначала пристроить. Ты-то не пропадешь. А остальные?

— Вы кого имеете в виду? — хмыкнула я.

— Витя меня очень беспокоит, — поглаживая шелковый пододеяльник, пожаловалась Теодоровна. — Ему давно пора жениться. Деток завести. Да и тебе бы, кстати, не мешало.

— Я еще девушка молодая.

— Ничего подобного, — отрезала бабка. — Это ты женщина молодая, а девушка уже пожившая. — Я мысленно чертыхнулась, бабка продолжила с милейшей улыбкой: — А ты симпатичная. Не то чтобы очень, но есть и хуже.

— Вот спасибо...

Себя я, конечно, считала красавицей. Ну, может, есть и симпатичнее, но, в общем, повод для гордости все ж таки был. Не дылда, но и не коротышка. Фигура очень даже неплохая, хотя грудь могла бы быть и побольше. Каштановые волосы с золотистым отливом точно не подкачали, длинные, до середины спины, правда, я обычно их в хвост стягиваю, чтоб не мешали. Глаза синие, яркие, аккуратный носик, а губы достойны описания в стихах, но никто не торопился воздать им по заслугам. Ну и ладно. Пусть девушка я уже в возрасте, в том смысле, что к тридцати все же ближе, чем к двадцати, но болтать об этом направо-налево я не стремлюсь. И все хорошее у меня еще впереди. «Оглянуться не успеешь, как тридцатник стукнет», — с внезапной тоской подумала я и сердито покосилась на бабку: умеют же некоторые настроение испортить.

— В твоём возрасте я была чудо как хороша, — запела Теодоровна. — Дай альбом, покажу.

— А то я фоток ваших не видела. Они по всему дому развешаны.

— Ну, не хочешь и не надо, — махнула она рукой и спросила: — У тебя ведь есть квартира? В ней найдется место для Виктора?

— Нет. Только для собаки, — серьезно ответила я.

— Жаль. Были бы сразу двое пристроены. Все равно остается Надька... и этот чертов попугай. Почто я взяла его у покойного Петра Кузьмича? — Покойный Петр Кузьмич — гипотетический дядя Теодоровны, морской волк и вроде бы даже пират, попугая он привез из Бразилии. Говорю «гипотетический», потому что вполне допускаю мысль, что никакого Петра Кузьмича и в помине не было, а попугай куплен на птичьем рынке. — Есть еще Пушкин, но этого почтальонша возьмет. Давно к нему приглядывается. «Какой у вас котик», — передразнила бабка. — Так и зыркает... отощает он у нее и весь свой шарм

природный растеряет. Нет, никак помирать нельзя.

— И правильно, — кивнула я. — Куда вам спешить? Пушкина женим, Витьку пристроим, Любка, то есть Надька, сама кого-нибудь найдет, Петрович может жить у меня, а попугай улетит в Бразилию бизнес-классом.

— Тебе бы все язвить, — сурово одернула бабка. — А у меня и вправду душа болит. Слушай сюда, — она поманила меня пальцем, я наклонилась к ее лицу и бабка зловещим шепотом сообщила: — Пока одно дело не сделаю, не помру.

— Разумно, — согласилась я. — А что за дело?

— Важное. Завтра скажу. Может быть. А сейчас почитай мне. Глядишь, усну.

Я извлекла из-за диванной подушки Бунина в обложке с закладкой на тридцать первой странице и приступила к выразительному чтению. На тридцать второй странице бабка начала похрапывать. Я немного еще почитала на всякий случай, потом поднялась, сунула книжку на прежнее место, притушила свет настольной лампы, накрыла стакан с водой на прикроватной тумбочке блюдцем и на цыпочках скользнула к двери. Рабочий день, считай, закончился.

Сон у бабки богатырский, и спала она обычно часов до девяти. В гостиной Витя, сидя в кресле-качалке, постигал премудрости садоводства, Любка вязала шарф. Вязала она его уже полгода, периодически распуская. Шарф ей был без надобности, но Любка утверждала, что процесс способствует укреплению нервной системы, а нервы у нее вконец расшатались.

— Чай кто-нибудь будет? — спросила я, выразительно взглянув на Любку.

Витя ничего не ответил, а Любка, оставив вязанье, ходко поднялась мне навстречу. Тут попугай заорал: «Лежать, заразы!», Пушкин, как водится, подпрыгнул, а Петрович забился под кресло.

— Что б тебя, — рывкнула Любка и метнула в клетку моток шерсти, попугай нахохлился и отчетливо произнес: «Дура». — Ты слышала? — ахнула Любка.

Витя сонно взглянул на попугая и сказал:

— Умолкни, животное.

Попугай горестно закивал головой, а я легонько подтолкнула Любку в сторону двери. Оказавшись в кухне, включила электрический чайник, а Любка стала накрывать на стол, извлекла из холодильника коробку с пирожными и расставила чашки.

— Я сегодня Софья, — сообщила она. — Неужто так трудно запомнить, как меня зовут? Может, мне табличку на груди носить?

— Попробуй.

— Задолбала бабушка придирками. Родиной попрекает. Хохляндия да Хохляндия.

— Видать, ее в ваших краях помидорами закидали, — утешила я.

— А почему Витька попугая животным назвал, он же птица. Или нет?

— Назвал и назвал, не доставай, а?

— Ой, Ленка, — погрозила она пальцем. — В этом чертовом доме...

— Что опять? — не очень вежливо спросила я, устраиваясь за столом, а Любка заговорщицки зашептала:

— Сколько хочешь талдычь, что я дура, но попугай у нас разумный. Я сегодня клеточку приоткрыла... думала, может, он того... выйдет. И Пушкина с Петровичем в гостиной оставила, Пушкину с этим извергом ни за что не справиться, но вдвоем, может, и осият... а этот гад, как их увидел, клетку сам закрыл. Вот ей-богу. Закрыл да еще дверцу лапой придерживает и на меня так ехидно смотрит.

— Ваша война с попугаем у меня уже в печенках, — заявила я, разливая чай.

— Они все как-то связаны, — задумчиво произнесла Любка, совершенно меня не слушая. — Витя этот мутный...

— Почему мутный? — проявила я слабый интерес.

— Потому. Неужто непонятно? Вот скажи, зачем он в доме живет?

— А ты зачем?

— Ну, у меня обстоятельства.

— Я думаю, он бабку обхаживает, чтобы наследство получить. Бабка в нем души не чает.

Кстати, никаких особых богатств в доме я не заметила. Если не считать антиквариат. Ни золота-бриллиантов, кроме любимой бабкиной брошки, ни прочих чудес вроде полотен Ван Гога. Хотя картины в доме были, но вряд ли особо ценные. Старушка, как и положено, получала пенсию, довольно значительную, но на нее содержать дом и нас в придачу попросту невозможно. В спальне в резной шкатулке Теодоровна хранила деньги на повседневные нужды. В шкатулку я по этическим соображениям никогда не заглядывала, но содержимое ее должно было как-то пополняться. Со мной бабка в банк никогда не ездила, хотя могла и без меня. С Витькой они частенько куда-то отправлялись, и надолго. В любом случае огромный дом в центре города стоит немало плюс антиквариат, в общем, было за что Витьке терпеть бабкины причуды.

— Сегодня спрашивала, не хочу ли я его усыновить, — сообщила я Любке.

— Так он старше тебя?! — нахмурилась подруга.

— Теодоровна интересовалась, не найдется ли в моей квартире место для него. Если верить старушке, что не слишком разумно, она помирать собралась.

— Ой, — пискнула Любка, прижимая руку к груди.

— Но кое-что ее здесь удерживает, — продолжила я. — Надо Витьку пристроить и тебя замуж выдать.

— Замуж-то я не против, только вот за кого? С чего вдруг бабушка помирать собралась? — испуганно спросила она. По неведомой причине Любка за глаза звала Теодоровну бабушкой, а Витька, кстати, и в глаза и за глаза называл ее «мамашей», и старушечья не возражала, хотя, ясное дело, никакой он ей не родственник.

— По-моему, это очередная блажь. Не бери в голову.

— Ага, — кивнула Любка. — А я Витьку сегодня соследила. Он в ванной брился, а я мимо шла, смотрю, дверь-то не заперта. Я чуток ее приоткрыла, а он возле зеркала стоит. В одних брюках. А на спине у него наколка. Страшная. Зверюга какая-то... с крыльями... по мне так этот... сама знаешь кто. Неспроста это, Ленусик. Попали мы с тобой.

— Сейчас каждый второй с наколками. У меня тоже есть, я тебе показывала.

— У тебя нормальная наколка, цветок и бабочка. А у него?

— Было бы странно, если б мужик на спине цветочки выколол.

— Я вчера в «ВКонтакте» фильм смотрела, — вновь перешла на шепот Любка. — Не помню, как называется... но дело не в этом...

Телевизора в доме не было, а вот Интернет работал исправно. Примерно через неделю после своего переезда я заварила бабке чай и, направляясь с ним в ее будуар (именно так называлась комната, примыкающая к спальне Теодоровны), услышала, как бабка с кем-то разговаривает, весело хихикая. Я-то решила, что у старушки приступ белой горячки, заглянула с беспокойством и обнаружила хозяйку в кресле с планшетом в руках. Управлялась она с ним очень ловко, вызвав у меня безграничное восхищение (тогда-то я еще верила, что

ей давно за сотню перевалило). Бабка сообщила, что разговаривала с подругой, та обреталась в Сиднее, и болтать с ней по скайпу куда дешевле...

— В кино брат с сестрой знали заговор вуду, — увлеченно продолжила Любка, — и когда становились стариками, переселялись в другие тела. Молодые. А тех в свою шкуру запикивали. Представляешь? Братишка перепрыгнул в адвоката, а бабушка взяла в дом сиделку, якобы за стариком ухаживать, который стариком вовсе не был, а был адвокатом, ну ты понимаешь, но сказать ничего не мог, она на него заклятье наложила и он лишь мычал. Угадай, что стало с сиделкой?

— Да видела я этот фильм, — махнула я рукой. — По-твоему, наша бабушка намерена переселиться?

— Сиделка-то в фильме тоже все это чушью считала, пока старушкой не очнулась. Такие дела... Витька уже перекинулся, а бабушка выбирает, у которой из нас позаимствовать молодое тело. Я вот пирожные жрать начала на всякий случай. А бабушке сказала, что у меня сердце больное. И эти... почки. И на чердак слезла. В кино они там свое чертово зелье хранили.

— Ну и как чердак? — спросила я, приглядываясь к Любке.

— Рухлядь всякая свалена. Но мне все равно не понравилось.

— Завязывай страшилки смотреть, — посоветовала я.

— Уеду я, наверное, — вздохнула Любка. — Месяц доработаю и уеду.

Уезжала она уже полгода, так что новость особого впечатления не произвела.

— А вдруг бабушка и вправду плохо себя чувствует? — забеспокоилась Любка, вопреки всякой логике. — Надо бы ее врачу показать. Как считаешь?

— Врачей она не жалует. А диагноз лучше любого из них способна поставить.

— Но ведь она недипломированный специалист...

— Она и зануда недипломированная, но кого хочешь запросто вгонит в гроб.

— Это да, — кивнула Любка.

— Ладно, — поднимаясь из-за стола, сказала я. — Пойду спать. И тебе советую.

— Уснешь тут, в этом вертепе. Может... в карты сыграем? В подкидного дурака. Витьку позовем...

Мы вновь устроились за столом, убрав посуду. Любка позвала Витьку, достала карты, и началась игра. Вслед за нами в кухню перебрались Пушкин и Петрович. Кот нахально устроился на краешке стола и сладко шурился. Свет от абажура освещал ровную поверхность стола и ловкие Любкины руки, я почувствовала нечто вроде умиротворения. Ходики на стене отсчитывали минуты, за окном в темном небе плавала луна, Петрович сопел под столом. Если б не бабкина хандра, я бы чувствовала себя счастливой. Чего это ей вздумалось помирать?

— Витя, — начала я. — С какой стати ты Теодоровну мамашей зовешь?

— Зову и зову, — лениво пожал он плечами.

— Неуважительно так обращаться к хозяйке.

— Она не возражает.

— Ага, — скривилась Любка. — Ленка считает, ты бабкино наследство ждешь, — я пнула ее ногой под столом, но опоздала. Витя мутно взглянул на меня, а я улыбнулась.

— Наследство внук получит, — пожал он плечами.

— У нее есть внук? — удивилась я.

— Есть, — кивнул Витька.

— Откуда внук? — ахнула Любка, таращась на меня.

— Ясное дело, откуда, — ответил Витя. — От отца с матерью. У мамыши сынок был. Помер лет двадцать назад. Но успел родить сына. Я мамашу к нотариусу возил. Все завещано внуку.

— А где он?

— Спроси у мамыши, если интересно.

— Вот так новость, — покачала головой подружка. — Тогда вообще непонятно, чего ты здесь отираешься.

— А мне здесь нравится, — ответил Витька. — Да и податься особо некуда.

— Ты бы хоть рассказал что-нибудь о себе, — попеняла Любка по-дружески. — Под одной крышей живем, а я о тебе ничего не знаю.

— А о ней ты много знаешь? — кивнул он в мою сторону. Любка от неожиданности даже рот приоткрыла, посидела так немного и задиристо ответила:

— Она мне рассказывала...

— Ну и я расскажу. Только вот что? Мамаша считает нашу Ленку редкой выдумщицей. Так, говорит, завлекательно врет...

— Ничего я не вру, — разозлилась я. — Бабка просила поведать что-нибудь интересное... пришлось на ходу детектив сочинять. А врать — это совсем другое.

— С ума сойдешь с вами, — пролепетала Любка, и далее мы продолжили игру в молчании, то есть перебрасывались словами, но лишь в силу необходимости.

Витька в «дурака» никогда не проигрывал, что неизменно поражало, потому что я его считала тугодумом, и это еще мягко сказано. Я в «дурах» тоже оставалась редко, уступив пальму первенства Любке. Но в тот вечер мне не везло, Витькин намек на мое коварство черное дело сделал: подружка задумалась, и до чего додумается, остается лишь гадать. Запросто меня в злодейки запишет, а голова у нее и без того слабая. Злость плохой советчик, и я проиграла три раза подряд, разозлилась еще больше и вскоре отправилась в свою комнату, буркнув: «спокойной ночи». Чего это Витьке вздумалось смуту вносить? Может, я его недооцениваю? Может, он в доме не просто так обретается, а с некой целью? С какой? Вроде бы ответ очевиден: охотится за наследством. Но если у бабки есть внук и даже есть завещание... В общем, вместо того чтобы спать, я лежала в своей постели и таращилась в потолок.

Моя комната находилась рядом с бабушкиной спальней. О количестве комнат в доме приходилось лишь догадываться: половина дома была нежилой, туда вели двустворчатые двери, запертые на ключ. За полгода я ни разу не видела, чтобы их открывали. Зачем в доме комнаты, которыми не пользуются? А зачем вообще одинокой старухе этот дурацкий дом? Стоп: дом не дурацкий, просто слишком большой. Бабка к нему привыкла и не хочет продавать. У нее есть внук, и Теодоровна справедливо решила: пусть у него голова болит, что делать с домом после ее смерти. А пока живет себе... раз уж средства позволяют. И на Витьку я зря разозлилась, ему не понравилось, что я с вопросами лезу. И дело вовсе не в страшной тайне. Он верно сказал: по большому счету, податься нам особо некуда... то есть мне-то есть куда. И какого дьявола я здесь торчу? Надо завтра же искать работу. Иначе съеду скатушек, как Любка, и черт-те что начну воображать. Я повернулась на правый бок с намерением уснуть, и тут... Мне показалось или под окнами в самом деле кто-то прошел? Окно комнаты выходило в сад, и ходить там вряд ли кто мог. Если, конечно, в сад не забрались посторонние. Я вскочила с кровати, подошла к окну и осторожно выглянула. Сад

тонул в темноте. Забор довольно высокий, но перелезть через него не проблема. Я бы запросто смогла. Вот только зачем? Яблоки воровать? Так нет еще яблок, яблоки будут в сентябре, а сейчас июль. Больше ничего полезного там не произрастает. И если в саду кто-то в самом деле бродит, то интересуется его вовсе не сад, а дом. Тут полно антиквариата, а о бабке ходят слухи, что у нее денег куры не клюют. Поразмыслив немного, я надела халат и отправилась к Витьке. Он единственный мужчина в доме, пусть проверит, шастает кто по саду или у меня гюки. До Витькиной комнаты в темноте добраться было не так просто, а включать свет я не решилась и пару раз наткнулась на мебель, мысленно желая всей этой рухляди провалиться. Наконец оказалась возле Витькиной двери и решительно постучала, потом постучала еще раз с тем же успехом, толкнула дверь в крайней досаде и смогла убедиться, что комната пуста. Кровать разобрана, но Витьки нет. Выходит, это он в саду бродит? С какой стати?

— Ты чего? — услышала я за своей спиной и едва не подпрыгнула от неожиданности.

В коридоре стояла Любка и таранилась на меня спросонья. Дверь в ее комнату была распахнута, там горел свет, и ее физиономию я видела хорошо.

— Кто-то в саду ходит, — буркнула я. — Хотя, может, показалось. А Витьки нет...

— Как нет? А куда делся?

Через пять минут мы убедились, что в доме Витьки действительно нет.

— Пошли спать, — проворчала я, жалея, что потревожила Любку.

— Уснешь тут... Чего ему в саду делать? Ночью? Розочки поливать?

Из сада с этой стороны не выберешься, калитка только одна, та, что на улицу выходит. Возможно, Витька решил подышать воздухом, но... Я направилась к окну, открыла форточку и высунулась почти наполовину. Глаза быстро привыкли к темноте, и я с уверенностью могла сказать: никто в саду не прогуливался. Но Витьку на всякий случай позвала. Безрезультатно.

— Бабку бы не разбудить, — проворчала я, спрыгнув с подоконника.

Любка, не говоря ни слова, припустилась в холл, я за ней. Входная дверь заперта.

— Я же говорила, — начала причитать Любка, но я сурово оборвала:

— Чего ты ноешь? Витька куда-то ушел. Что в этом особенного?

— Ночью ушел? Зачем?

— Например, к подружке.

— У него есть подружка?

— Наверное, есть. Как же без нее. Все, отправляйся спать.

— Я у тебя лягу. И ничего мне не говори, — прикрикнула Любка. — Хочешь, чтобы я всю ночь тряслась от страха?

— Идем, — вздохнула я. — Вот скажи на милость, чего такого случилось? — уговаривала я не столько Любку, сколько себя. — Ничего. Ушел мужик по своим делам...

Покидать дом нам не возбранялось. Ключи от дома, кстати, мне бабка выдала сразу. И у остальных обитателей они, конечно, были. Однако я не помнила, чтобы Витька когда-нибудь покидал дом без бабкиного на то позволения. Впрочем, раньше мне и в голову не приходило заглядывать в его комнату. Может, он каждую ночь уходит.

— Ленка, помяни мои слова, — устраиваясь на постель рядом со мной, заявила Любка. — Добром это все не кончится.

Она вскоре уснула, а мне не спалось. Глупо, конечно, но Витькина ночная жизнь начала беспокоить. Я приписала это надвигающемуся маразму. Немудрено заразиться в таком-то окружении. Мысли в голове копошились самые неприятные. Витьке наследство не светит,

если у Теодоровны есть внук и даже есть завещание. А ну как он в подходящий момент сунет старушечки нужную бумажку на подпись? Или попросту ограбит. Может, вокруг дома его дружки бродят, удобного случая ждут. В доме три беззащитные женщины, справиться с нами нетрудно. От Петровича толку мало, кота и попугая в расчет не берем.

Я чутко прислушивалась, не вернется ли Витька, но в конце концов уснула. Последней отчетливой мыслью было: надо старушку спасать.

Утром Витька как ни в чем не бывало пил кофе в кухне. Выглядел сонным тюленем и на отчаянного злодея не тянул, хотя я к нему очень даже приглядывалась. Любка то и дело мне подмигивала, косясь на Витьку, потом не выдержала и спросила:

— Где это тебя ночью носило?

Витька посмотрел на нее так, точно видел впервые, взял бутерброд и принялся жевать, не удостоив нас ответом, а потом уткнулся в любимую энциклопедию. Тут подала голос бабуля, и я отправилась к ней в спальню. В то утро подняться с постели она не пожелала. Выпила чаю и указала мне на дверь.

— Ваш любимец дома не ночевал, — сказала я не без ехидства.

— Это который? Пушкин?

— Нет. Витька.

— Неужто нашел кого? Послал бы бог такое счастье, — Теодоровна вздохнула, сложила руки на груди и в потолок уставилась.

— Вы когда вставать думаете? — проявила я интерес.

— Может, уж вообще не встану, — тоненьким голоском ответила старушечка.

Обычно в это время она наносила боевую раскраску (бабка у нас героическая, без макияжа спальню не покидала), и ее нежелание следовать заведенному порядку меня беспокоило.

Примерно через час она потребовала к себе Витеньку, и они довольно долго беседовали. Любка пробовала подслушать, но безуспешно. Дверь в будуар оказалась заперта. Еще одно новшество. Сразу после разговора с бабкой Витька отбыл в неизвестном направлении, причем «Волга», ветеран отечественного машиностроения, на которой он обычно возил Теодоровну, так и осталась в гараже.

К обеду Маланья не встала, есть отказалась наотрез, и я с перепугу вызвала врача, за что и схлопотала от бабки. И врач, конечно, тоже. Выскочил из комнаты Теодоровны, точно ошпаренный, и еще долго чертыхался в прихожей:

— Ну и бабуся у вас, ей бы полком командовать... в Гражданскую.

— Что с ней? — с тревогой спросила я, готовясь к худшему.

— Бабка крепенькая, — осчастливил врач, мужчина примерно моего возраста. — Мне бы ее здоровье.

— Но...

— Хандрит старушка, — отмахнулся он. — Конечно, надо бы анализы сдать и все такое... на всякий случай. Попробуйте ее уговорить.

— А вы не пробовали? — разозлилась я.

— Пробовал. Такой матерщины мне еще слышать не доводилось.

Разговор с врачом меня немного успокоил, но ясности не внес. Витенька где-то носится, бабка изображает умирающую... С чего бы вдруг?

Витька вернулся лишь к вечеру, а бабка так и не встала с постели. За весь день выпила три чашки чая с печеньем, хотя вообще-то поесть любила.

Ночью мы сторожили Витю и гадали, что затеяла старушка. Шофер спал себе спокойно, а бабка подняла меня среди ночи и попросила почитать ей «Житие святой Татьяны». Особой богобоязненности я в ней ранее не замечала и о наличии «Жития Святых» в доме даже не догадывалась. Жизнь святой Татьяны показалась мне чрезвычайно поучительной, но в три часа ночи я предпочла бы спать, о чем и сообщила Теодоровне.

— Грехов много, вот и не спится, — повздыхала она. — А ты иди, ложись, чего уж там...

Наутро все повторилось. Бабка потребовала чаю и заявила, что вставать ей ни к чему, скоро вынесут из дома вперед ногами. Данное заявление явилось последней каплей, переполнившей чашу моего терпения.

— Врач сказал, еще лет двадцать вам с вашим здоровьем беспокоиться не о чем, — произнесла я сурово.

— Дурак он, Господи прости. Чего они понимают, врачи-то?

— Хорошо. Давайте я позвоню Ивану Христофоровичу. Не вылечит вас, так хоть проститься успеете.

— Стервь, — беззлобно заметила старушка и отвернулась.

Я опустила в кресло рядом с кроватью и решительно произнесла:

— Я поняла, вы при смерти. А теперь говорите, что вам надо. Не зря же вы все это затеяли.

— Испарись, — фыркнула старушка.

— Еще чего. Говорите немедленно. Или я отправлю вас на принудительное лечение.

Бабка взяла лорнет с тумбочки и на меня уставилась. Я терпеливо ждала, выдав свою лучшую улыбку. Бабка убрала лорнет и заявила:

— Същи мне внука. Боюсь и вправду помереть, так его и не увидев.

Такого я точно не ожидала и слегка растерялась.

— У вас есть внук? — вопрос, лишенный смысла, раз о внуке я уже знала от Витьки.

— Знамо дело, есть. Вот только где он, не знаю.

— И я должна его найти?

— Ага, — кивнула она.

— Почему бы этим Витьке не заняться? — предложила я, находя данную идею вполне разумной.

— Куда ему... Сердце у Вити — чистое золото, но мозгами его Господь обидел. И то сказать, редко кому все сразу дается... А у тебя ум изворотливый, хоть и ленивый, ты найдешь.

— Спасибо за блестящую характеристику, — скривилась я. — А где искать-то?

— Кабы знать, — развела старушеница руками.

— Это типа, поди туда, не знаю куда?

— Типа, да, — кивнула она.

— Задание — зашибись. Может, вам следует в полицию обратиться?

— Ни-ни, — погрозила пальцем Теодоровна. — Полиции мне только не хватало. Чует мое сердце, вляпался внучок в какое-то дерьмо. Не сделать бы хуже.

— Интересно, — нахмурилась я. — Ну, если так, начнем с чего-нибудь самого простого. Фотография внука у вас есть?

— Нет. Разорвала все, как с ним поругалась. Теперь жалею.

— А звать его как?

— Андрей Ильич Костюков. Тридцать лет. Дурак дураком. Но родная кровиночка. Фамилия у него от матери. Сынок мой покойный так на ней и не женился. И правильно. Не баба, а сущее недоразумение. Ни рожи ни кожи, а принцессу из себя гнула. Мальчишку вконец избаловала. Я его отобрать хотела, да какое там. Пока Илья, сынок мой, жив был, строжил его, а уж как Ильи не стало, просто беда... Потом и дуреха померла, а наш Андрюшка совсем от рук отбился. Связался с дурной компанией...

— Когда вы видели его в последний раз? — деловито спросила я.

— Лет пять назад, может, больше.

— Ничего себе...

— Зла я на него была очень, — вздохнула Теодоровна. — Но перед смертью помириться хочу. Грех внука-то не простить. Может, придет, поплачет на моей могилке. Кто, если не он?

Тут она всплакнула, вытерла глаза кружевным платочком, а я нахмурилась:

— Не увлекайтесь. Он в нашем городе живет?

— Квартира у него на Михайловской, тут неподалеку. Дом три, квартира двадцать пять. Только он давно там не появляется, за квартиру мне приходится платить.

— То есть, где он живет сейчас, неизвестно? Еще какие-нибудь ценные сведения? — Бабка развела руками. — Негусто, — констатировала я. — Задание я уяснила, но чувствую, что дело завалю. Вам нужен профессиональный сыщик.

— А кто детективы выдумывает? Да так ловко... Чешешь, как по писаному...

— Вам не приходило в голову, Милана Теодоровна, что это разные вещи?

— А ты попробуй, вдруг получится.

Я поскребла затылок, не зная, как отнестись к словам старухи. Полный бред... с другой стороны, отчего не попытаться, вдруг повезет.

— Вы кого-нибудь из его друзей знаете?

— С ума сошла? У него друзья все как есть каторжники, а у меня в доме добра на миллионы... Не ровен час, ограбят. Не знаю и знать не хочу.

— Хорошо, — кивнула я, не желая спорить. — Схожу на квартиру, соседей спрашиваю... может, его видел кто...

— Сходи, милая, сходи. Я тебе ключ дам. Хотя он тебе вряд ли понадобится. Ты в квартире записочку Андрюшке оставь... на всякий случай.

— Кстати, а мобильный у него есть?

— Был. Но номер давно отключен. Поезжай-ка прямо сейчас, чего ждать? Шкатулку мне подай, вон ту, с сердечком, — я подала шкатулку, бабка достала из нее ключ и протянула мне. — Пиши записку, — откидываясь на подушку, сказала она. Взяв блокнот и авторучку, я приготовилась записывать, бабка пожевала тонкими губами и принялась диктовать: — «Дорогой мой внучок Андрюшенька. Прости ради Христа свою глупую бабку...»

— Может, не стоит так драматично? — попыталась я ее урезонить.

— Пиши, — махнула она рукой и продолжила: — «Чувствую свою близкую кончину, и нет у меня большего желания и большей радости, чем прижать тебя к сердцу, кровиночка моя ненаглядная. Не держи на меня зла и приходи проститься, хочу, чтобы в последние мои часы ты был рядом и принял из рук моих все нажитое непосильным трудом, не чужим же людям оставлять...»

— Это тоже писать?

— Пиши, пиши. «Терпеть меня тебе недолго придется. Жду тебя, ангел мой. Твоя

несчастливая старая бабка Милана Теодоровна». Написала? Вот и славно. Теперь ступай. А я отдохну. Что-то сердце опять прихватило.

— Вы не за ту грудь держитесь, — съязвила я.

— У меня слева болит, а справа отдает, — нашлась старушенция, а я с ключом и запиской покинула комнату.

— Витька опять куда-то смылся, — сообщила Любка, как только я появилась в гостиной.

— Я тоже сматываюсь, — порадовала я.

— Насовсем? — ахнула Любка.

— Нет. На пару часов. Теодоровна велела внуку записку передать. Помирать собралась, хочет с ним помириться, — в доказательство я сунула ей под нос записку. Шевеля губами, точно первоклассник, Любка ее прочитала и вернула мне.

— С тобой пойду, — заявила она.

— А бабку с кем оставишь, с попугаем?

— Почему бы ей не побыть с Петровичем? Он все-таки собака.

— Тебе совсем крышу снесло? — попеняла я.

— Ладно. Возвращайся побыстрее... — И вдруг заголосила: — Уволюсь завтра же, ей-богу уволюсь!

Я прощмыгнула в прихожую, обула кроссовки и вскоре оказалась на улице. День выдался прохладный, но солнечный. До Михайловской рукой подать, и я отправилась пешком, игнорируя общественный транспорт. Задание трудным не представлялось, правда, особой пользы я от него не ждала. Бабка мудрит по обыкновению. Наверняка знает, где внука искать, то есть уверена, что в квартире он появляется, иначе какой прок в этой записке? Выходит, спектакль «с умиранием» предназначался вовсе не мне, это она так к встрече с внуком готовится. В ловкости старушенции не откажешь, в записке все черным по белому: придешь и помиримся — деньги твои, а заупрямишься — на бабло не рассчитывай. Надеюсь, он сделает правильный выбор и Теодоровна с кончиной повременит.

Размышляя подобным образом, я довольно быстро дошла до Михайловской и вскоре увидела нужный дом, пятиэтажку-сталинку с аркой посередине. Дом выглядел солидно, двор тоже порадовал: парковка, клумбы и детская площадка. Возле ближайшего подъезда я заметила дворника, мужичок лет шестидесяти лениво помахивал метлой.

— Не подскажите, в каком подъезде двадцать пятая квартира? — громко спросила я, подходя ближе.

— У тебя что, глаза на затылке? — поинтересовался он. — Вон таблички висят.

Таблички с номерами квартир в самом деле висели над дверями подъездов, и я их, конечно, видела. А спросила для того, чтобы завести непринужденный разговор о хозяине двадцать пятой квартиры. Дворник отвернулся, и мне пришлось продолжить, адресуясь к его спине:

— А вы жильцов хорошо знаете?

— Мое дело двор мести, а жильцы мне без надобности. Ходят тут, мусорят... чтоб им пропасть.

«И тебе тоже», — мысленно пожелала я и тут обратила внимание еще на одного мужчину. Он сидел на скамейке возле детской площадки и возился с айфоном, как все мужики, которым нечего делать. Наш диалог привлек его внимание, он поднял голову, посмотрел без особого интереса, а я на всякий случай приосанилась, потому что мужчина

был из тех, кого принято считать «интересным». Взгляды наши на мгновение встретились, но почти в ту же секунду он вновь вернулся к айфону, решив, что тот куда больше заслуживает его внимания, нежели я. Приятно. Может, бабка права, и я себя переоцениваю?

Поспешив отвлечься от тревожных мыслей, я направилась к подъезду. Домофона нет, замок отсутствует. Чудеса. Дверь, правда, была железной и свежеекрашенной. Я вошла в подъезд и поднялась на четвертый этаж, где располагалась двадцать пятая квартира. Кроме нее, на лестничной клетке было еще две квартиры. Выполнение задания я решила начать с опроса соседей, потому что доверять бабкиным рассказам не торопилась. Позвонила в двадцать шестую квартиру, дверь открыла молодая женщина в коротком махровом халатике.

— Вам кого? — спросила с удивлением.

— Я из ЖЭКа, — нагло соврала я. — По поводу вашего соседа, Костюкова Андрея. Он ведь в двадцать пятой квартире живет?

— Понятия не имею, — пожалала девушка плечами. — По-моему, квартира пустует. Мы сюда переехали три года назад, и соседей я ни разу не видела, — и тут же закрыла дверь.

Я еще не успела прийти в себя от чужой невежливости, как дверь рядом приоткрылась, а я чуть не заорала в голос, не сразу сообразив, что на меня смотрит толстуха с маской на лице ядовито-зеленого цвета.

— Вы из ЖЭКа? — шепнула она. Я испуганно кивнула, тетка ухватила меня за плечо и втянула в свою квартиру. — Наконец-то... — закрывая дверь, сказала она, все еще шепотом. — А то все пишу, пишу...

— Чего пишете?

— Роман, блин, — всплеснула она руками. — Нечисто с этой квартирой. Вроде никто не живет, а я же слышу: кто-то ходит. А позавчера свет горел. Я кота искала и видела.

— У квартиры есть хозяин. Почему бы там кому-то не ходить?

— А потому что неизвестно, как он туда попадает.

— Логично предположить, что через дверь, — подсказала я.

— Ничего подобного. Как-то вечером, слышу, ходит. Я взяла, да и позвонила. Надо ж с соседями познакомиться. И сразу тишина. Вышла на балкон, свет не горит. Тихо. Потом опять пошла в прихожую, в глазок с час таращилась, никто не вышел, а свет так и не горит. А теперь скажите, кому нужно в темноте бродить? Вот чертова квартира, то ходят, то стонут, то вроде в стену стучат. И дверь ни разу не открыли, хоть я полицией грозилась.

— Давно вы здесь живете?

— Почти пять лет. А соседка так и не видела. Это нормально?

— Хозяйка квартиры пожилая женщина, — пожалала я плечами.

— Нормальные люди квартиру бы продали, если она не нужна. Или квартирантов пустили. Что-то с ней не так. С квартирой, я имею в виду. Вы про полтергейст слышали?

— Кто ж про него не слышал?

— Так вот. Там не он, там кое-что похуже.

«Повезло нарваться», — с печалью подумала я, приглядываясь к тетке. В своей зеленой маске она походила на упитанного прищельца. Тут я поняла, что у меня возникла еще одна проблема. Теперь попасть в квартиру будет затруднительно, если уж тетка любительница подглядывать в дверной глазок, а мне пришла в голову счастливая мысль соврать, что я из ЖЭКа. Чего доброго, полицию вызовет. А бабка насчет полиции выразилась предельно ясно: «ни-ни».

— Что ж, давайте посмотрим, что там с квартирой, — предложила я, быстро найдя

выход, как мне казалось, блестящий. — Хозяйка мне ключ дала.

— Я только умоюсь, — обрадовалась тетка и кинулась в ванную, а я вышла на лестничную клетку, достала ключ и вставила в замок. Попыталась повернуть ключ, но попытка успехом не увенчалась. Правда, он легко повернулся в противоположную сторону. Я подергала дверь: заперто. Выходит, до этого она была открыта. Я вновь повернула ключ и легонько толкнула дверь. Она подалась без всякого труда. Вынув ключ, я нажала кнопку звонка, мысленно чертыхаясь. Звонок переливисто звенел, а хозяин не появлялся. Зато на лестничной клетке материализовалась соседка.

— Ну? — шепотом спросила она, а я решительно распахнула дверь и вошла в прихожую, тревожно оглядываясь. Соседка шагнула за мной и тоже оглядывалась с беспокойством, хотя чувствовалось: любопытство пересиливает.

— Хозяева! — гаркнула я, не надеясь, что мне ответят.

В квартире стояла гробовая тишина, прозрачно намекая на отсутствие разумной жизни. Понемногу успокаиваясь, я неспешно прошлась, сопровождаемая соседкой. Квартира оказалась однокомнатной, но просторной, раза в два больше моей, и обилием антикварной мебели напоминала жилище Теодоровны. Самое неподходящее место для молодого мужчины. Чувствовалось, что помещение давно не проветривали, но совсем уж нежилой она все-таки не выглядела. Один из ящиков на кухне прикрыт был неплотно, в ванной висели полотенца, стояли шампунь и гель для душа, в шкафу нашлись соль, сахар и банка кофе, правда, с просроченным сроком годности. Я провела рукой по столешнице, слой пыли имел место, но не такой, чтобы заподозрить: годами здесь никто не появлялся.

— Уборщица приходит, — заметила я, обращаясь к соседке. — Наверное, ее вы и слышали.

— А это кто? — спросила она, когда мы вернулись в комнату, и кивнула на портрет в золоченой раме, украшавший одну из стен. С портрета пакостно улыбался лысый дядя лет шестидесяти. Ответить я не успела, соседка схватила меня за руку и с легким повизгиванием заявила: — Ты глянь, он на нас смотрит.

— А куда ему еще смотреть? — вздохнула я.

— Да он правда смотрит, я в сторону и взгляд за мной. — О подобном эффекте я была наслышана, однако весьма неприятное чувство, что за нами в самом деле наблюдают, не стало от этого менее острым. — Вот что, ты как хочешь, а я пошла, — и соседка потрусила к выходу, крестясь на ходу.

Покачав головой в досаде, я продолжила осмотр квартиры. В шкафу мужские вещи, в верхнем ящике комода счета за коммунальные услуги. Я надеялась обнаружить что-нибудь вроде записной книжки или клочка бумаги с телефонами. Хотя кто сейчас пользуется записными книжками? Если только такой динозавр, как наш Витька. На осмотр я угробила не меньше часа, но так ничего и не нашла. Оставила на столе записку, приписав внизу номер своего мобильного. Непохоже, что внук живет здесь постоянно, но, скорее всего, иногда появляется. А вот почему входная дверь была открыта? Может, приходящая уборщица забыла ее запереть? Надо бабке сказать... И тут вспомнились слова Теодоровны, когда она отдавала мне ключ: «Хотя он тебе вряд ли понадобится». Выходит, знала, что дверь открыта? То есть держит ее открытой нарочно? Совсем спятила старая... Вынесут ее антиквариат или бомжи поселятся... А если хозяин все-таки здесь, просто отлучился ненадолго? Ненадолго растянулось на солидный временной промежуток... Черт-те что... Я вышла на лестничную клетку и задумалась: запирает дверь или нет? Ключей в квартире я не видела, выходит, тот,

кто дверь забыл закрыть, войти все-таки сможет, а не сможет, так ему же хуже. Я решительно повернула ключ в замке и на всякий случай дверь подергала. Заперто. Что ж, будем считать, задание выполнено.

Я уже сворачивала к дому старухи, когда сообразила, что оставила в квартире свою сумку. Ну надо же... Пришлось возвращаться. При виде сталинки под ложечкой неприятно засосало, теперь, по неизвестной причине, казалось, что дом выглядит как-то странно, я бы даже сказала зловеще. Перед внутренним взглядом замаячила пакостная улыбка дяди с портрета... Пора от бабки съезжать. Длительное общение с ней до добра не доведет.

Перепрыгивая через две ступеньки, я поднялась на нужный этаж, вставила ключ в замок и едва не начала заикаться, потому что дверь вновь оказалась незапертой. Я нажала кнопку звонка, выждала минуту и распахнула дверь. Сумка моя лежала на банкетке в прихожей, в квартире ни души, дядька с портрета улыбается еще пакостнее. Покинув квартиру, я заперла дверь, подергала ее с большим рвением, постояла в раздумье и вновь позвонила соседке.

— Чего вернулась-то? — спросила она.

— Сумку забыла.

— Неудивительно. У меня от этой квартирki просто мороз по коже. Как думаешь, может, батюшку позвать?

— Неплохо бы, — кивнула я, вспомнив недавние фокусы с дверью.

— Заходи, — вдруг сказала соседка. — Чего на пороге-то торчать. Чаю хочешь?

— Можно, — кивнула я. И мы сели в кухне пить чай. Я решила потратить время с пользой. — В доме есть кто-нибудь, кто помнит прежних жильцов? — спросила я. — Ну, кто живет здесь дольше, чем вы?

— В нашем подъезде нет. В соседнем баба Липа... но она это... заговаривается. Так что веры ей никакой. Не думай, что я о квартире-то не спрашивала. Еще как спрашивала. Вроде мужик тут жил, да помер. А уж после него парень молодой. Вроде бы сын того мужика или племянник. Парень то ли жил, то ли нет. А потом и вовсе исчез. Вот так. Знай я, что у меня такое соседство будет, купила бы квартиру в другом районе.

— Не помню, заперла я квартиру или нет, — выслушав ее, заметила я в притворном раздумье, и попросила: — Вы не могли бы посмотреть? А то я себе не доверяю. Невнимательная...

Татьяна, так звали соседку, взглянула с подозрением, но пошла в прихожую вместе со мной. Я делала вид, что кроссовки зашнуровываю, наблюдая за тем, как она подходит к двери двадцать пятой квартиры.

— Заперто, — сказала Татьяна, добросовестно подергав ручку.

— Спасибо, — сказала я и поспешила с ней проститься.

Спустилась на два пролета, но вдруг резко развернулась и вприпрыжку бросилась на четвертый этаж, толкнула дверь и она открылась, что даже не особенно удивило на этот раз. Я прошла по квартире — никого. Присев на корточки, осмотрела замок. Кто-то совсем недавно его смазал. Ключ поворачивался практически бесшумно. Допустим, Теодоровна шутки шутит. В двери глазок, когда появляюсь я — дверь оказывается открыта, когда соседка — закрыта. Блестящее логическое заключение с одним «но»: а кто эту дверь запирает и отпирает, если в квартире никого нет? На всякий случай я заглянула в шкаф и даже вышла на балкон. До водосточной трубы далековато, рискуя жизнью можно дотянуться до соседского балкона, но это Татьянин балкон. Кстати, а как поведет себя дверь, если мы подойдем к ней вместе с Татьяной? Можно попробовать, но велика вероятность, что соседка, наблюдая за

моими действиями, уже вызвала неотложку. В общем, экспериментировать я не стала, показала дяде на портрете язык и покинула квартиру. Не терпелось поскорее увидеться с бабушкой.

Стоило войти в дом, как Любка бросилась ко мне на шею с воплем радости, точно мы год не виделись:

— Наконец-то, — запричитала она. — Витька так и не вернулся, а бабушка у себя лежит. Кушать опять не стала. Меня это беспокоит. А ты как?

Если я расскажу Любке историю про дверь, она, чего доброго, совсем с катушек съедет.

— Нормально, — пожалала я плечами.

— А чего так долго?

— С соседями болтала. Собирай на стол, есть хочется, а я к бабушке загляну.

Бабушка, держа планшет на коленях, смотрела «Женитьбу Бальзамина», весело хихикая, но при моем появлении сунула планшет под подушку и сложила ручки на груди, тяжело вздохнув. В ту минуту мне очень хотелось ее придушить, но я напомнила себе, что старость надо уважать. Неизвестно какие кренделя я начну выписывать, когда мне стукнет восемьдесят... если стукнет.

— Ну, что? — с живейшим интересом спросила она.

— Вынуждена сообщить, дверь в квартире на Михайловской у вас с причудами.

Я поведала ей о своих, то есть дверных, приключениях, но старая вешалка даже бровью не повела. Махнула рукой, точно от мухи отбиваясь, и равнодушно заявила:

— Ерунда. Мишаня куролесит.

— А Мишаня у нас... — я устроилась в кресле, глядя на бабушку с большим недовольством.

— Братец мой... сущий кровопиец, не тем будь помянут. Папашино наследство заграбастал, тебе, говорит, и своего добра хватит. Может, и так. А справедливость? Я спорить не стала, что мне, с родным братом судиться? Только ничегошеньки он не выгадал. Помер, шельмец, и все его добро мне досталось. Жениться он так и не сподобился.

— Очень поучительно, — кивнула я. — Только непонятно, как ваш Мишаня мог куролесить, если, по вашим словам, успел помереть?

— Чего непонятного? — удивилась старушенция, приподнялась с подушек и зашептала, выпучив ехидные глазки: — Любовница его убила. Житья ей от него не было. Замуж не брал, а на других смотреть не смей. Есть такие подлые мужики. Мой четвертый муж тоже...

— Мне бы лучше про Мишаню, — напомнила я.

— А я про кого? Взяла Любаня грех на душу и его порешила. По-женски я ее очень даже понимаю. Портрет видела? Мишанину квартиру я внучку оставила, а портрет себе забрала, почто он Андрюшеньке? Выкинуть жалко, все-таки брат. А он как начал куролесить. Ни одной ночи от него покоя не было. Сервиз разбил, подлюга. Саксонский, на двенадцать персон... только вазочка осталось. Прислуга разбежалась, а Витюша ночью со светом спал и крест носить начал. Я портрет в задние комнаты сослала, но стало только хуже. Чуть дом не спалил. Тут Андрюшка пропал, и я приказала портрет назад вернуть, пусть там куролесит, — бабушка схватила лорнет и на меня уставилась, как видно, желая проверить, какое впечатление на меня произвел ее рассказ.

— Маланья Федоровна, — позвала я. Злясь на бабушку, я называла ее исконным именем, тем самым подчеркивая, что ее стойкое стремление приврать мне очень даже хорошо

известно. Бабка делала вид, что этого не замечает. Не заметила и сейчас. — Я верю, что у вас большое будущее в комедийном жанре, — продолжила я, — но не могли бы вы повторить ваш рассказ в присутствии психиатра? Есть шанс провести остаток дней в компании выдающихся исторических личностей. Наполеон, Александр Македонский... кто вам больше нравится?

— Не веришь? — отложив лорнет в сторонку, вздохнула бабка. — Ну и ладно. Есть дураки, которые и в бога не верят. Записку оставила?

— Оставила.

— Что ж, будем ждать. Может, объявится Андриюшенька. Ступай себе... — она вновь тяжело вздохнула, вспомнив о своей роли умирающей, но я уходить не спешила.

— Скажите-ка, Милана Теодоровна, а Витя у вас давно живет?

— Витя? — встрепенулась старушка. — Давно.

— А поточнее нельзя?

— Да, почитай, всю мою жизнь... хотя, он ведь молодой... Значит, чего-то я путаю.

— Память у вас тоже с причудами, как дверь в Мишаниной квартире, — съязвила я. — То вы помните, что при царе Горохе было, то не можете ответить на простой вопрос.

— А ты не проболтаешься? — перегнувшись ко мне, спросила старушка с очень серьезной миной.

— Чтоб мне пропасть, — так же серьезно ответила я.

— Сынок он мой, — заявила старуха. — Незаконно прижитой. Его кухарка моя усыновила. Ну, а когда последний муж помер, я, знамо дело, Витюшу к себе взяла.

— Врете, — буркнула я.

— Век воли не видать, — ответила бабка и щелкнула наманикюренным ногтем по переднему зубу из белейшего фарфора.

— Поздравляю, — кивнула я, сообразив, что бабка опять пудрит мне мозги. — Вы вполне можете соперничать с библейской Саррой, она в девяносто родила, а вы во сколько?

— Библейской Саррой, — передразнила бабка. — Откуда тебе про нее знать с твоим туманным кругозором. Неужто Библию читала?

— Комиксы, — ошастливила я. — Картинки с надписями. И про Сарру, и про муженька ее... и про этого... забыла, как зовут, он козлиную шкуру напялил, чтобы отцовское благословение получить.

— И как у тебя только голова не лопнула, — скривилась бабка. — Непосильный интеллектуальный груз. Ступай, ехидна. Ужинать не буду.

— Помрете с голодухи, вам же хуже.

Я направилась к двери, а бабка ядовито сказала мне вдогонку:

— Приглядиись к Витюше-то, жених завидный. Половину наследства ему оставлю. Хотя с деньгами он себе получше девицу найдет.

Я потопала в кухню, гадая, врет бабка по обыкновению или нет. Поверить заманчиво. Тогда понятно, почему ее Витя мамашей зовет. Но тут другие мысли полезли: если Витька бабкин сын и ему половина наследства отписана, запросто мог решить, что и вторая половина очень даже пригодится. А при таком раскладе Андриюшенька ему нужен как козе баян. Так, может, оттого внучок и пропал? Бабка заподозрила неладное... в этом месте я посоветовала себе не увлекаться. Бабка — актриса, в театре давно не служит, вот и развлекается, затеяв весь этот спектакль. Играет, одним словом. А мы и актеры, и благодарные зрители.

Я вяло жевала, сидя за столом напротив Любки. Хоть и поторопилась списать все

происходящее на бабкины причуды, но червячок сомнения делал свое черное дело, мешая насладиться кулинарным шедевром подружки. Любка выглядела абсолютно несчастной, что вполне привычно, и была молчалива, что непривычно совсем. Отложила ложку, подперла щеку ладонью и заговорила:

— Ленка, я до поры до времени язык за зубами держала, потому что ты вроде Фомы неверующего. Но более молчать не могу.

— Чего еще? — насторожилась я.

— Девушка, что до нас здесь работала, исчезла.

— В каком смысле исчезла?

— А нет ее нигде. Ни слуху ни духу.

— Откуда тебе знать, кто тут до нас работал?

— Давай я тебе все по порядку расскажу, — вздохнула Любка. — Когда я только-только сюда устроилась, бабушка велела мне Витькино пальто из чистки взять, я и пошла. А на квитанции не Витькино имя стояло, и даже не бабушкино, а Кагарлицкой С.В. Я подумала, должно быть, прежняя домработница пальто сдавала, свою фамилию назвала.

— Почему бы и нет? Я бы тоже, наверное, свое имя назвала, а не Витькино... хотя не знаю, если пальто его.

— Не путай меня, — взмолилась Любка. — Кроме фамилии, там еще были указаны телефоны. Один тот, что в доме, а другой мобильный.

— Понятное дело, домработница оставила свой номер, не бабка же в химчистку пойдет.

— Так вот, — сурово нахмурилась Любка. — Мне страсть как хотелось поговорить с кем-нибудь, кто здесь раньше работал. Не сразу, а через неделю-другую, когда я поняла: что-то в доме нечисто. Квитанцию я сохранила, наверное, предчувствие сработало. Она и сейчас у меня. Хочешь, покажу?

— Ну, покажи, — пожалала я плечами, теряясь в догадках, на кой черт мне квитанция на Витькино пальто, да еще полугодичной давности. Любка достала из кармана свернутый лист бумаги и протянула мне. Это был второй экземпляр квитанции, написанный под копирку, фамилия действительно Кагарлицкая, два номера телефона, штамп «Выдано».

— Излагай дальше, — предложила я, так и не поняв, чем квитанция Любку растревожила.

— Я с почтальоншей поговорила, и она подтвердила, что жила здесь до меня девушка, звали Софья. Вроде она тоже с Украины, но этого почтальонша точно не знала. Проработала Софья недолго, месяц-полтора. В ноябрьскую пенсию была тут, а в декабре ее уж не было. Выходит, исчезла она как раз перед моим приходом.

— Почему исчезла? — разозлилась я.

— А потому что нет в городе такой девушки. Почтальонша говорила, на вид ей лет двадцать пять. Есть Кагарлицкая Нонна Николаевна и Кагарлицкая Ольга Павловна, Софья Викторовна тоже есть, но она 1937 года рождения и нашей девушкой быть не может.

— А ты как все это узнала?

— Очень просто. Заглянула в базы данных операторов сотовой связи. И в городскую телефонную книгу.

Несмотря на некоторую дурость, интернет-пользователем Любка была продвинутым, в чем я могла не раз убедиться. В общем, сомневаться в ее словах у меня причин не было.

— Может, у этой Софьи нет мобильного телефона и домашнего тоже нет? Постой, мобильный ведь в квитанции указан? — нахмурилась я.

— Ага. И я по нему позвонила. Но меня скоренько отфутболили, мол, не туда попали. Я позвонила еще раз и вежливо объяснила, что этот номер мне дала Соня Кагарлицкая. А мне ответили, что такой не знают и просили больше не беспокоить.

— Ну, ошиблась приемщица, неправильно номер записала. Софья твоя из России уехала, сама говоришь, она из Украины.

— Нет, Леночка, не уехала, — покачала головой Любка. — И вовсе она не из Украины. Смотри, что я вчера нашла.

Она вновь полезла в карман и протянула мне паспорт. Странички слегка распухли, точно его простирнули, однако все буквы на своих местах, хотя и немного смазанные. Кагарлицкая Софья Витальевна, двадцать пять лет, родилась в селе Кормша, где-то в Мордовии. Страничка с отметками о регистрации пострадала куда больше. Отметок было несколько, но все смазанные, этапы большого пути проследить не удалось. Однако адрес на последнем штампе, хоть и с трудом, я прочитала: улица Танеева, дом пятьдесят три. Временная регистрация закончилась в январе этого года. Я подперла щеку рукой и задумалась.

— Адрес проверяла? — спросила я минут через пять, в продолжение которых Любка пожирала меня жадным взором.

— Само собой, — кивнула она. — Это общага. Я комендантше звонила. Кагарлицкая у них не проживает. Я причитать принялась, что сестру ищу, мол, приехала к сестре и все такое, податься некуда, сирота. Тетка малость подобрела и сказала: она у них ни дня не жила. А регистрация...

— Ясно. Сделали отметочку за скромную мзду. Обычное дело.

— Ага. Девушка издалека приехала, вряд ли у нее здесь родня, если пришлось липовую регистрацию делать. И никто ее бедную искать не будет. Был человек, и нету.

— Это ты сейчас о чем?

— О том, что сгубили девку проклятые упыри, — прошипела Любка, зло косясь в сторону бабкиной комнаты.

— Ты опять за свое? — рявкнула я. — Послушай, убогая. Если верить твоей теории о том, что Маланья наша тела меняет как перчатки, то сейчас ей надлежит быть двадцатипятилетней, а она все еще похожа на печеное яблоко.

— Может, еще время не пришло, — совершенно серьезно ответила Любка. — А может, бабушке Софья не понравилась, не подошла, то есть по каким-то параметрам. Девушка что-то заподозрила, и они ее того...

— Убила бы тебя, — покачала я головой в крайней досаде.

— И без тебя охотники найдутся. Ты мне лучше скажи, куда человеку без паспорта деваться? На поезд и то не посадят.

— А где ты его нашла? — сообразила спросить я.

— За холодильником. Рычит холодильник, как голодный Петрович, потому что стоит криво. Я ножку решила подкрутить, а потом подумала, надо бы в углу прибраться, небось грязи скопилось. И отодвинула холодильник, а он там лежит, к стене прижатый.

— Похвальное стремление к чистоте. Софья, наверное, паспорт на холодильник положила и забыла, а он и завалился.

— Но это не объясняет главного, — сурово ответила Любка. — Вот скажи, к примеру, что у нас за запертыми дверями таится в той половине дома?

— Всякий хлам, надо полагать. У бабки его на три музея хватит.

— Ты сегодня смылась, а я у запертых дверей часа два просидела. Там кто-то есть. Точно есть. Вроде вздыхает. Тяжело так...

— И кто, по-твоему, вздыхает?

— Убиенные души себе покоя не находят, это любой дурак знает. Бабушка и Витька-упырь девицу загубили и дверь заперли, чтоб мы ни о чем не проведали.

— Господи, — простонала я. — С кем приходится жить под одной крышей.

— Вот-вот, — закивала Любка.

— Это я про тебя. Идиотка, не можешь ты всерьез верить во всю эту чушь, — заголосила я, но вовремя спохватилась: как бы старушеницу не потревожить. И некстати вспомнила о Мишане-колоброде. Хорошо, что я Любке ничего рассказать не успела.

— Давай дверь откроем и посмотрим, — рассудительно предложила она.

— Как откроем? Отмычкой?

— Но ведь где-то ключ есть.

— Наверное, есть. Спроси у бабки.

— Спросила сегодня, — кивнула Любка. — Говорю, прибраться бы надо в той половине. Окна помыть. А она мне: да пес с ними. Не помню, говорит, куда ключ дела. Знамо дело, врет. Где-то у нее ключ спрятан. Может, попробуем без него открыть?

— Замок ломаем? — Тут еще одна светлая мысль пришла мне в голову: — А ты не пыталась узнать, чей это номер, ну, тот, что в квитанции.

— Само собой. Зарегистрирован на Проскуруину Ольгу Павловну. И адрес у меня есть. Только что нам с этого адреса, если о Кагарлицкой там никогда не слышали.

— Пожалуй, завтра загляну к этой Ольге... на всякий случай.

В этот момент хлопнула входная дверь, и вскоре в кухне появился Витька. Кивнул нам и молча положил на стол связку бананов.

— Мамаша купить велела, — пояснил он, видя наши заинтересованные взгляды. Само собой, относились они вовсе не к бананам, но Витька расценил их именно так.

— Это ты за ними целый день ходил? — съязвила я.

— Машину чинил, — пожал Витька плечами. — Достала, зараза. И почто мамаше этот металлолом?

— Есть будешь? — спросила его Любка и, не дожидаясь ответа, стала накрывать на стол.

Остаток дня прошел мирно, бабка изволила съесть банан и выслушала три главы «Евгения Онегина» в моем блестящем исполнении. Кот лежал у нее в ногах и позевывал, демонстрируя красный язык.

— Гениально, — сказала бабка по окончании чтения. Но обращалась вовсе не ко мне, а к коту. Могу поклясться, тот в ответ кивнул, потом повернулся ко мне, хитро щурясь, кончик красного языка торчал наружу. «Дразнится, подлюга», — мысленно ахнула я, кот потянулся и перебрался ближе к хозяйке.

Когда Теодоровна уснула, мы втроем сели за карты. Любка то и дело смотрела на меня со значением, я не выдержала и обратилась к Витьке:

— Почтальонша сказала, до нас тут девушка работала. Софья.

— Работала, — кивнул Витя, не проявляя к моему вопросу ни малейшего интереса.

— А чего ушла?

— Мамаше она не нравилась. Нерасторопная.

Любка взглянула с таким видом, точно Витька чистосердечно покаялся в страшном

злодействе, а я едва не застонала. Если так пойдет дальше, придется отсюда съехать, иначе дело кончится санитарями и смирительной рубашкой.

Утром Теодоровна позавтракала, но наотрез отказалась покидать свою комнату. Меня ее причуды вконец достали, и я сказала:

— Ну, если вы продолжаете разыгрывать умирающую и в моих услугах не особо нуждаетесь, я отлучусь на пару часов.

— Отлучись, милая, отлучись, — закивала бабка. Витька читал в гостиной (эту ночь, как и предыдущую, он провел дома), Любка возилась в кухне.

— Давай паспорт и адрес пиши, — сказала я. — Пойду разбираться с нашими непонятками.

— Может, вдвоем пойдем? — спросила Любка. — Бабушка голодает, так что обед подождет.

— Голодовку она может прекратить в любой момент, ты ж ее знаешь. Приглядывай за Витькой, — зачем-то сказала я. А зря, Любка мгновенно в лице переменилась.

— Я тебе звонить буду. А ты это... поосторожней.

— Я помню: упыриное сообщество широко раскинуло свои сети.

— Думаешь, бабушка связалась с какой-то сектой? — не уловив иронии, всполошилась Любка.

— Думаю, тебе пора переходить на мультфильмы.

— Мультфильмы-то здесь при чем? — обиделась Любка и досадливо махнула рукой.

Погода внезапно испортилась, откуда-то туч нагнало. С неприязнью поглядывая на небо, я решила, что будет лучше взять машину, тем более что интересующая меня Ольга Проскурина проживала на другом конце города. Моя машина без всякой пользы простаивала на стоянке в двух кварталах от бабкиного дома, хорошо хоть, что это мне ничего не стоило, хозяином парковки был мой приятель. Предельно ускорившись, я направилась в том направлении, очень рассчитывая успеть до того, как начнется дождь. Первые капли упали на асфальт, когда я подходила к машине, и я сочла это счастливым предзнаменованием. При виде моей красавицы сердце забилось сильнее, я обошла машину по кругу и даже погладила по капоту, подумав о Теодоровне с большой приязнью, — ведь если разобраться, только благодаря ей мне не пришлось расстаться навеки с моей возлюбленной машиной. Стоило вспомнить о Маланье, как в голову вновь полезли тревожные мысли. Любка, конечно, основательно не в себе, но история с паспортом мне тоже не нравилась.

На то, чтобы отыскать дом Ольги среди таких же однотипных построек, я угробила не меньше получаса, еще столько же ушло на дорогу. Будет обидно, если хозяйку я не застану. Когда я подошла к подъезду, дверь открылась и показалась компания ребятишек лет восьми-девяти, так что домофоном воспользоваться не пришлось. Прикинув, на каком этаже нужна мне квартира, я вызвала лифт и вскоре уже стояла перед дверью с номером пятьдесят восемь. Мысленно перекрестилась, сжала кулак на удачу и нажала кнопку звонка. Легкие шаги, и дверь открылась. Передо мной стояла девица с иссиня-черными волосами, с таким макияжем, точно она собралась на бразильский карнавал. Наряд тоже соответствовал. Короткая кожаная юбка под леопарда и топ с блестками. Зато взгляд младенчески чист, не замутненный и признаком мысли.

— Мне бы Ольгу, — сказала я.

— Заходи, — кивнула девица и добавила: — Она в ванной. Сейчас появится.

Не потрудившись закрыть дверь, деваха направилась в сторону кухни, дверь закрыла я и пошла за ней, раз уж звали. Девушка устроилась на подоконнике и закурила, раз пять перед этим щелкнув зажигалкой и чертыхаясь. Я пристроилась на стуле, тревожно поглядывая в сторону ванной. Начало многообещающее, вопрос, как к моему появлению отнесется хозяйка. Тут дверь в ванную распахнулась, и я увидела Ольгу в банном халате и с полотенцем на голове. Лицо без косметики сияло молодостью, но не красотой, хотя справедливости ради стоило сказать: совсем дурнушкой девушка не была. Но не это обстоятельство заставило сердце екнуть и задержать дыхание. На паспорте Кагарлицкой, вне всякого сомнения, была фотография Ольги. «Все страннее и страннее», — успела подумать я, а Ольга, притормозив, перевела взгляд с подруги на меня и спросила:

— Ты кто?

— К тебе пришла, — пожала плечами «бразильянка», а я сказала:

— Здравствуйте.

— Привет. И что? Чего ты здесь расселась?

— У меня к вам несколько вопросов, — степенно ответила я, очень надеясь, что меня сию же минуту не выкинут из квартиры. — Вы знакомы с Кагарлицкой Софьей Витальевной?

— Блин, — сквозь зубы буркнула Ольга, беспокойно отводя взгляд, как ни странно, боевой задор в ней внезапно иссяк, она как будто пыталась решить, как следует себя вести, и пока еще точно не решила. — Задолбали с этой Кагарлицкой. Это ты вчера звонила?

— Нет, не я, — ответила я чистую правду. — Но ведь вы работали в доме Миланы Теодоровны?

— Какой еще Теодоровны? Первый раз слышу. Я, между прочим, риелтором работаю. Все, двигай отсюда. А как ты меня нашла? — вдруг нахмурилась она.

— На квитанции в химчистку был указан ваш номер телефона.

— Бред какой-то... ну, оставил кто-то номер, я-то при чем?

— Что за дела? — подала голос ее подруга, сползая с подоконника. — Надо разобраться...

— Ничего более я не желаю так страстно, — кивнула я. — В доме Миланы Теодоровны, где я сейчас работаю, жила та самая Кагарлицкая, полтора месяца примерно, в ноябре — декабре. Она забыла кое-какие вещи, хозяйка хотела бы их вернуть.

Жгучая брюнетка смотрела с сомнением, но не на меня, а на подругу, и шевелила губами, вроде бы что-то подсчитывая.

— Да я-то здесь при чем? — чуть не плача, спросила Ольга.

— Значит, Кагарлицкую вы не знаете и мою хозяйку тоже?

— Конечно, нет.

— Тогда извините. Придется в полицию обращаться, — пробубнила я, направляясь к входной двери.

— Да хоть к президенту, — ответила Ольга, но куда менее уверенно, чем ей того бы хотелось.

Я могла бы показать паспорт и испортить ей настроение еще больше, однако сочла это преждевременным. Для начала надо все как следует обдумать. Этим я и занялась, устроившись в машине, уезжать не спешила и поглядывала на дверь подъезда.

Итак, к бабке устраивается на работу девушка по липовому паспорту. Достав паспорт, я внимательнейшим образом рассмотрела фотографию и удивилась тому, что еще вчера не

заметила очевидного. Фотку переклеивали, то есть на первый взгляд все выглядело вполне пристойно, работал явно не дурак в своем деле, однако волнообразный рисунок на фотографии был слегка смещен и даже по цвету отличался. То есть старую фотку срезали, наклеили другую и закатали пленочкой. Ольга сказала, что работает риелтором, следовательно, совесть у девицы практически отсутствует (с риелторами у меня свои счеты), запросто могла подделать чужой паспорт. А зачем? На бабкин дом позарилась? Хотела войти в доверие и на себя его переписать? Очень даже может быть. Но наша Маланья не льком шита и выставила аферистку за дверь. Молодец бабка! Тут я увидела, как из подъезда выходят обе девицы, переругиваясь на ходу. Слышать их разговор я не могла, даже когда окно открыла, но, судя по их лицам, консенсуса они не достигли. Ольга, сурово сдвинув брови, досадливо махнула рукой и опрометью бросилась со двора, а ее подружка плюнула ей вслед. Постояла немного, покачала головой и отправилась в противоположном направлении. Я прикидывала, за кем лучше пристроиться, решила, что брюнетка перспективнее, и малой скоростью поехала за ней. Тут девушка повернулась, а я, притормозив, сказала в открытое окно:

— Садись, отвезу куда скажешь и покажу кое-что интересное. — Малость замешкавшись, девушка полезла в салон и устроилась рядом со мной. — Тебя как звать? — спросила я.

— Света.

— А меня Лена, — я достала паспорт, открыла его и сунула ей под нос: — Фотку видишь?

— Ну...

— А читать умеешь?

— Ни хрена себе, — ахнула девица. — Крутой вираж, как любил выражаться мой бывший. Откуда у тебя паспорт?

— У бабки нашла.

— У этой... Теодоровны?

— Ты Ольгу давно знаешь? — поспешила я закрепить успех.

— Год. Может, больше.

— Вспомни, что она делала в конце осени?

— В ноябре со своим парнем к его родне уезжала. Вроде знакомиться. Жениться собирались, да, видно, он передумал, — весело фыркнула Светка. — Ольга здорово злится, когда я о свадьбе спрашиваю.

— И долго она отсутствовала?

— Месяц мы точно не виделись. Перезванивались иногда. На работе она сказала, что наследство получила, ей тетка дом в другом городе оставила, надо его продать и все такое. Я ей сама эту идею подсказала. Вот она и взяла пару недель за свой счет плюс отпуск.

— Что у нее за парень? — спросила я.

Света пожала плечами:

— Парень как парень. Зовут Вовка, фамилия Степанцов. У него с другом на двоих автосервис на Тимирязева. Ты когда ушла, она сразу Вовке звонить бросилась, но, о чем говорили, я не слышала, она с мобилой в ванную ушла. Ну, подруга... Чего ж она с чужим паспортом, а?

— А ты кем работаешь? — спросила я с подозрением.

— Маникюршей в салоне красоты. А что?

— Я вот думаю, может, твоя подруга на дом Теодоровны нацелилась? Старуха одинокая...

— Она вообще-то до денег жадная... Хотя — кто не жадный? Но если ты думаешь, что она могла бы старушку того... Нет. Вряд ли. Облапошить — запросто, а чтоб бабке дни сократить — это ж совсем другое. Ты правда в полицию пойдешь? — спросила она с сомнением, особой тревоги за судьбу подруги в ней не чувствовалось.

— Пока не знаю. Бабка жива-здоровая, а вот что с настоящей Кагарлицкой?

Светка, приоткрыв рот, на меня уставилась.

— Да ладно... — где-то через минуту сказала, махнув рукой. — Просто сперли паспорт...

— Сперли? То есть ты подозреваешь, что Вовка в деле?

— Да я просто так сказала, ничего я не подозреваю. Ну, Ольга, вляпалась, дура, по самые уши.

Девушка попросила остановиться и полезла из машины, чему я не препятствовала. Все, что могла, она, похоже, мне уже рассказала. Вопрос, что делать дальше? Если Ольга звонила своему дружку, то сейчас, скорее всего, к нему направилась. Мужик — не девушка, к нему с вопросами не полезешь. Я-то точно не полезу, здоровье дороже. Они, ясное дело, жулики. Но если ничего страшного за полгода не произошло, то, может, и дальше обойдется. Поняли: бабка им не по зубам и отступились. Хотя, если Светка подружке про паспорт расскажет, забеспокоятся, конечно. Надо бы в полицию... но не хочется. Не люблю я всю эту волокиту... заранее зубы сводит... Для начала надо с Теодоровной посоветоваться. Решит бабка супостатов правосудию сдать — пойду, а пока лучше в квартиру на Михайловской заглянуть. Чего меня туда так тянет, я и сама понять не могла, то есть я, конечно, лукавила. Очень хотелось проверить: там ли записка? Или внучок успел в квартиру наведаться?

Подъезжая к дому, я заметила соседку, она стояла на балконе и курила, задумчиво глядя в небеса. Должно быть, гадала, следует ли ждать хорошей погоды? Дождь кончился, но солнце показаться не торопилось. Июль, а я еще ни разу не купалась. Может, и хорошо, что лето не задалось, бабку надолго не оставишь, а в жару в доме сидеть обидно. Следующим летом обязательно в Турцию махну... и я по обыкновению принялась мечтать. Помнится, в прошлом году я тоже мечтала, купила два купальника, четыре новых платья. Очень рассчитывала на романтическую встречу с последствиями, в смысле, с приятным продолжением. Турки меня не интересовали, девушка я разумная. Очень подошел бы молодой человек, к примеру, из Германии. Хотя и соотечественником я бы пренебрегать не стала. Оказалось, что классных девчонок в Турции хватает и без меня. И все в новых купальниках. Я так и осталась ни с чем, если не считать смутного подозрения, что отпуск прошел впустую.

Воспоминания удовольствия мне не доставили, и из машины я выходила с легкой обидой на свою женскую судьбу. До квартиры оставалось два метра, когда я замерла в ожидании: как поведет себя дверь? Потом решительно взялась за ручку... дверь оказалась заперта. Что-то новенькое. Не зная, как отнестись к данному факту, я достала ключ и вскоре переступала порог квартиры в некотором напряжении. Никто не выскочил навстречу с громким воплем. Жилище, как и в прошлый раз, было необитаемым. Однако наметились перемены. Прежде всего записка со стола исчезла. Это я заметила сразу, лишь только заглянула в комнату, но подошла к столу и тщательно все осмотрела вокруг: что, если записку унесло ветерком, бог знает откуда здесь взявшимся? Но нет, ни под столом, ни под шкафом

записки не было, и под креслом она не завалялась. Выходит, кто-то ее забрал. И почему это должно меня удивлять, если именно на это я, то есть бабка, и рассчитывала. Однако я продолжала оглядываться с сильнейшим недоверием. Все вокруг выглядело как в прошлый раз... и не так.

Я заглянула в шкаф, одежду всю переверорошили, а вчера лежала аккуратно сложенная. В квитанциях тоже основательно порылись и ящики комода вниманием не обделили. Во мне зрело подозрение: кто-то проводил обыск, как я накануне, но в отличие от меня куда меньше заботился о том, чтобы скрыть следы вторжения, хотя ящики прикрыли аккуратно и их содержимое по полу не раскидывали. Либо сам хозяин здесь что-то искал, либо нас посетили воры, но, убедившись, что в квартире нет ничего ценного, ушли себе с миром и дверь захлопнули. Интеллигентные люди. Я перевела взгляд на портрет и криво усмехнулась. Мишаня сверлил меня взглядом и улыбался куда пакостнее, чем вчера. Тут же созрел третий вариант: в квартире куролесил покойный братец, а не хозяин и даже не воры. Но эти сказки мы бабке оставим. В любом случае записки уже нет, будем ждать развития событий. Я направилась к выходу, чувствуя некое жжение в затылке от весьма настойчивого взгляда. Повернулась и зачем-то погрозила Мишане кулаком.

Стоило мне оказаться на лестничной клетке, как дверь справа распахнулась и появилась соседка.

— Опять ты? — спросила она.

— Зашла проверить квартиру, — пожалала я плечами.

— Проверь как следует, ночью гости были.

Я шагнула к ней с замиранием сердца, а она сложила руки на груди и сурово поджала губы.

— Не томите, — предупредила я, чувствуя повышенное возбуждение.

— Часов в двенадцать слышу, за стеной ходит кто-то, — склонившись к моему уху, зловеще начала Татьяна. — Я на балкон. Шторы на окнах плотненько задернуты, но свет все равно пробивается, тонюсенько так, но я углядела. А там все ходят и ходят.

— Никто не стонал? — спросила я со вздохом, решив, что рассказ соседки — плод неумной фантазии.

— Нет, — удивилась она. — А кому стонать-то? Или ты думаешь, они жильца... того?

Тут мы уставились друг на друга в великой растерянности, обе поняли, что мы о разном, но не могли сообразить, в котором месте наши дороги разминулись.

— Что было дальше? — кашлянув, спросила я.

— В полицию позвонила, — ответила соседка. — Пусть разбираются. Если в квартире никто не живет, так и по ночам бродить нечего, а если живет, пусть документ предъявит, что здесь на законном основании.

— Разумно, — кивнула я. — И что полиция?

— Велели хозяйке звонить, вот что. А у меня и телефона-то нет, пока я с ними ругалась, за стеной все стихло. Я стала в дверной глазок наблюдать, выйти побоялась, мало ли что. Смотрю, дверь открывается, и выходят двое. Один высокий, худой, другой ростом поменьше и в плечах пошире. И по лестнице шмыг.

— А лица разглядели? — спросила я, хотя что мне за дело до их лиц, если я понятия не имею, как выглядит Андрюшенька.

— Совершенно бандитские рожи, — вынесла соседка вердикт.

— Раньше вы их тут не встречали?

— Да вроде нет. Если честно, не очень-то я их разглядела, — она вздохнула, посмотрела на меня с печалью и продолжила: — Я соседей спрашивала... говорят, бывшего хозяина квартиры зарезали. Правда, не здесь, но все равно беспокойно. Дурное место.

— Наверное, это хозяйкин внук был с приятелем, — заметила я, с намерением ее успокоить. — В квартире все на своих местах, я проверяла.

Соседка досадливо махнула рукой и дверь захлопнула, а я побрела к своей машине. Очень заманчиво было предположить, что приходил в самом деле внучок, но с какой стати ему рыться в старых квитанциях? Нет, что-то не сходится. Гадай теперь, кто записку взял. Этим-то двоим записка зачем могла понадобиться? Допустим, хозяин был в квартире, а потом явились двое неизвестных... Хотя, могло быть и наоборот, то есть Андрей приходил с приятелем, а рылись еще до него... В общем, ни до чего толкового я так и не додумалась и здорово разозлилась. Злилась я в основном на себя, а досталось Теодоровне. Но вернувшись домой, я первым делом решила успокоить Любку.

— Жива-здорова твоя Софья, только зовут ее Ольга, и она нагло врет, что здесь никогда не работала.

Любка выслушала мой рассказ, прижимая руку к сердцу, а потом сказала:

— Ленка, ты не злись, только я ничего не поняла. Если она Ольга, то почему по паспорту Софья. И куда та, что Софья, делась, если ее паспорт оказался у Ольги?

— Уясни главное. Угроза исходит не изнутри, а снаружи. Ольга просто воспользовалась чужим паспортом, переклеив фотографию.

— Что делается, — ахнула Любка. — Бабушку хотят ограбить?

— Возможно, но мы с тобой настороже, не позволим супостатам лишить старушку нажитого непосильным трудом.

— А Витьку опять где-то носит. Как думаешь, он с супостатами заодно? Надо на эту Ольгу в полицию заявить. Пусть разбираются, почему она вдруг стала Софьей.

— Уйдет в глухую несознанку и скажет, что с паспортом мы сами намудрили.

— Ничего подобного, бабушка и Витька ее узнают.

Тут я решила, что самое время поговорить с Теодоровной, и отправилась к старушенции. Бабка лежала, раскинувшись на подушках, с подозрительным румянцем на лице. Я знала, что под кроватью она держит заначку, фляжку с коньяком, и в хорошем расположении духа может пару раз за вечер приложиться. Злоупотреблять — ни-ни, но считала, что сто граммов человеку лишь на пользу. Я, само собой, не возражала, если бабке в радость, но сейчас ее привычки вызвали гневный протест. Коли ты при смерти, так будь любезна об удовольствиях забыть и умирать как положено, сказав «прости-прощай» всему земному. Опять же, на голодный желудок следовало бы поостеречься.

Старушенция открыла один глаз и спросила едва слышно:

— Новости есть?

— Есть, — сурово ответила я и замерла в трех шагах от постели, сложив на груди руки.

Бабка завозилась, устраиваясь поудобнее, разгладила кружевную оборку на пододеяльнике и начала смотреть с интересом.

— Вам фамилия Кагарлицкая о чем-нибудь говорит? — спросила я.

Теодоровна задумалась, устремив взгляд куда-то вдаль на уровне моего плеча, пожевала губами, вроде пробуя фамилию на вкус, и кивнула:

— Была у нас прима с такой фамилией. Я тогда только-только начинала, а она звездилась всю. Такая была сука, прости Господи. С режиссером сожительствовала, он все лучшие

роли ей, а мне, значит, фигу с маслом. Мне их шуры-муры по барабану, но нечего талант затирать. Я быстро их на место поставила, и ее и его.

— Не сомневаюсь, — сказала я. — А кого-нибудь ближе к историческим временам припомнить можете?

— Чего пристала, дура? — нахмурилась бабка.

— Не иначе, Милана Теодоровна, память у вас начисто отшибло. Вы бы с коньяком завязывали, — я извлекла из кармана паспорт и сунула бабке под нос. Не спеша достав лорнет, та принялась его изучать, брезгливо морщась. — Эта девушка у вас работала, — нетерпеливо напомнила я.

— Сама знаю, что работала. Сонька-вертихвостка. Дура и неумеха. Выгнала я ее. А паспорт откуда? — нахмурилась старушенция.

— За холодильником валялся. Любка нашла.

— Какая еще Любка?

— Та, которая Надька или Верка. Не знаю, кто она у вас сегодня.

— Постой, — сложив лорнет с легким щелчком, ахнула бабка. — Куда ж эта курица безмозглая без паспорта? Надо его вернуть.

— Я пыталась, только Кагарлицкая оказалась вовсе не Кагарлицкой, а Проскуриной, и зовут ее Ольга.

— Что ты мелешь? Здесь русским языком написано, — бабка вновь вооружилась лорнетом и удовлетворенно кивнула. — Ну вот, Кагарлицкая.

— Вы мне лучше скажите, как эта Софья к вам устроилась. Кто ее рекомендовал?

— А никто, — ответила Теодоровна, потеряв интерес к паспорту.

— Вы объявление давали?

— Еще чего... понабегут кто ни попадя.

— Как она к вам попала? — теряя терпение, рявкнула я.

— Не ори, не глухая, — отмахнулась бабуля. — Как попала, как попала, с улицы пришла, я как раз домработницу уволила. На Витеньку она глаз положила, прохиндейка хренова, все норовила окрутить мужика, а у самой в Хохляндии трое детей, мамаша и муж-пьяница. Почто ему такое счастье? А он вроде как повелся. У мужиков мозги сама знаешь где, а у паскудницы задница шире паровоза и титьки как два арбуза. Как колыхнет, у него глаза на переносице. Я и погнала. Знай свое место, поганка. А без домработницы — беда. Витя, кроме каши, ничего приготовить не может, кашу трижды в день жрать не будешь, а яичницу я не люблю.

— Ваши кулинарные предпочтения мне известны, — поторопила я. — Вы теряете нить повествования.

— Ничего я не теряю, — проворчала бабка. — А память у меня получше твоей. Сто раз тебе говорила: две ложки сахара в кофе, все равно сыпешь одну.

— Сахар вреден, особенно в вашем возрасте. Я поняла, вы бедствовали, каша стояла комом в горле, что дальше?

— Дальше явилась Сонька.

— Просто так явилась?

— С букетом. Большой букет, тыщи на две потянет по нынешним-то меркам. Открыл ей Витя, я в гостинной. Слышу, соловьем поет, не Витя, девка. Я велела впустить. Она ко мне чуть ли не в ноги. Я, говорит, слышала, вам домработница требуется. А я, говорит, всегда мечтала соприкоснуться с настоящим искусством и готова хоть даром, лишь бы рядом с

гениальной актрисой... — Тут бабка гордо вскинула голову, косясь на меня левым глазом.

— Откуда ей знать, что вы гениальная, если вы ушли со сцены еще до ее рождения? — хмыкнула я, дивясь бабкиной наивности.

— А репутация? — хмыкнула та в ответ. — Репутация, милая, живет в веках...

— Милана Теодоровна, — сказала я. — У вас мания величия. Вы бы хоть подумали... — тут я махнула рукой и продолжила: — Девица к вам устроилась по чужому паспорту. Не удивлюсь, если вы, разомлев от наглой лести, даже на документы не потрудились взглянуть. А между тем...

Тут бабка рухнула на подушки, прижав ладошку к груди, как всегда перепутав левую сторону с правой, и глаза закатила. А я забеспокоилась, зря я так, чего доброго, старушенцию и впрямь удар хватит.

— Кругом аспиды и вороги лютые, — скороговоркой выпалила она упавшим голосом. — Обложили бедную старушку со всех сторон, на богатство мое зарятся, пригрела на груди змеюк немерено...

— От змеюк есть верное средство, — сказала я. — Наводить справки о тех, кого нанимаешь.

— Много проку, — неожиданно весело фыркнула Теодоровна. — Смотрела я твои бумажки, и что? А Сонька мне сразу не понравилась. По дому шарит, везде свой нос сует... А неряха, Господи прости, да и готовит как мой Витя... Дура рукожопая.

— Это что-то новенькое, — покачала я головой. — Скоро с вами без словаря разговаривать будет невозможно.

— А чего непонятного-то? — скривилась бабка. — Руки из жопы у нее росли. Потому и выгнала. А что по дому шарила, так пусть. Вы-то не лучше. Надька, лахудра, так и вьется возле двери, что в другую половину дома ведет. Небось думает, там золото-бриллианты. Да и ты в шкафу шарить, будто я не вижу, — тут я густо покраснела, а бабка довольно усмехнулась.

— В шкафу я шарила совершенно с другой целью. Пыталась установить некоторые факты вашей примечательной биографии. Может, я о вас книгу написать хочу. А Любка, которая Надька, между прочим, не золото-бриллианты высматривает, а боится, что вы в запертой половине скелетов держите.

— Почто мне скелеты?

— Не почто, а с умыслом, — поправила я, с удовлетворением отметив, что последнее мое замечание бабку задело. — Любка считает, что, раз домработница исчезла, а паспорт ее завалился за холодильник, значит, ее следует поискать за закрытой дверью.

— И как только таких дур земля носит, — покачала головой бабка. — Ладно, — махнула она рукой. — От Соньки я давно избавилась, если паспорт не ее, то и возвращать его нужды нет... И это все твои новости? — Я только головой покачала в крайней досаде. — Иди, — сказала бабка. — Буду о вечном думать да внучка ждать. Как считаешь, объявится Андрюшенька? Должен... все-таки я ему бабка. Дождется, завещание перепишу... — рывкнула она и швырнула в меня подушкой, но угодила в Пушкина, который все это время сладко спал в кресле. Кот взметнулся ввысь, грохнулся на пол и с громким воплем совершил круг почета: с ковра на спинку дивана, потом на шкаф, оттуда прыгнул на бархатные шторы, завис на мгновение и рванул к двери, которую я предусмотрительно открыла. — Смотри, как носится, шельмец, — задумчиво произнесла бабка. — А ведь ему годков десять будет. По кошачьим меркам мой ровесник.

— Ну, вы ему вряд ли уступите, — раздвинула я рот в широкой улыбке.

— За что я тебя терплю, — вдруг сказала бабка, — так это за то, что таиться не умеешь.

Стервь, но что на уме, то и на языке. Хоть знаю, чего от тебя ждать.

— Спасибочки вам, Милана Теодоровна, — кланяясь в пояс, сказала я и удалилась.

Любка в кухне возилась возле плиты, увидев меня, замерла с ложкой в руке и спросила:

— Чего бабушка сказала?

— Сказала, раз от Соньки избавились, значит, нечего о ней и думать.

— Как избавились? — побелела Любка.

— В смысле, уволили, — торопливо пояснила я и решила поскорее отвлечь ее от пагубных мыслей. — Кстати, выяснилось, Витька наш не совсем отстойный, шашни завел с домработницей, той, что еще до Соньки была. Оказывается, он предпочитает дамочек в теле.

— Ой, — сказала Любка, побледнев еще больше, с беспокойством глядя на свой роскошный бюст. — Надо на диету садиться.

— Ага, — кивнула я. — Пирожные жрать завязывай и сразу похудеешь.

— Мне без пирожных никак нельзя, — заныла она. — Я без пирожных начну в обморок падать. Да что ж за наказание! — отшвырнув ложку, завопила она. — Витька — упырь проклятый, теперь только и жди...

— Да ладно, обычный мужик, хоть и с придурью.

— Нет, Леночка, — перешла Любка на зловещий шепот. — Я теперь точно знаю: за запертой дверью их страшная тайна. Сегодня в замочную скважину подглядывала... Я и раньше подглядывала, но ничего не видела. А сегодня догадалась маникюрными ножницами в замочной скважине поковыряться и выгащила вату. Они ватой ее забили, чтоб ничего видно не было.

— Завязывай возле двери вертеться, — тоже перешла я на шепот. — Бабка у нас глазастая и на твой интерес внимание обратила.

— Там, Леночка, гроб, — не слушая меня, заявила Любка.

— Ага. Спятила совсем, — я взяла ее руку, сжала ладонь в кулак и по лбу постучала. Она в ответ постучала по моему лбу, стук почему-то вышел разный, и что обидно — мой звонче.

— Вот тебе крест, — истово перекрестилась Любка. — Собственными глазами его видела. Хочешь, покажу?

— Валяй, — буркнула я, и мы направились к запертой двери.

Любка встала на коленки, заглянула в замочную скважину и удовлетворенно кивнула:

— Стоит.

— С глюками повремени, — сказала я, отжимая ее плечом.

Замочная скважина выглядела внушительно, замок в двери старый и ключ к нему полагался большой, такие теперь разве что в музее водятся. Я прильнула к отверстию, задержав дыхание. И в первое мгновение ничегошеньки не увидела, должно быть, шторы в комнате за дверью плотно задернуты. Потом в сумраке начали проступать предметы. Тот, что стоял прямо напротив, в самом деле подозрительно напоминал гроб. Но с выводами я не спешила, сначала одним глазом его разглядывала, потом, когда взор затуманился от напряжения, другим. Вроде, правда, гроб.

— Ну? — нетерпеливо спросила Любка.

— Может, футляр какой-то.

— Ага, — хмыкнула подруга. — Сказанула... футляр... что в этом футляре хранить? Не знаешь? А я тебе скажу. Зря мы Витьку сторожили и к входной двери прислушивались.

Никуда он из дома по ночам не выходит. Здесь лежит, рядышком. В гробике-то ему, видно, спокойнее.

— Да заткнись ты, — шикнула я и вновь уставилась в замочную скважину. Гроб или не гроб? Если все-таки гроб, то что он в доме делает, то есть на фига он бабке? Старушенция у нас, конечно, с причудами, но не до такой же степени, чтоб такую жуть за дверью держать. Любка усердно сопела рядом, но тут к ее дыханию примешалось чье-то еще. Прямо над моим ухом. Я в большом волнении повернула голову и обнаружила Витьку. Он стоял на коленях, вытянув шею, и что-то пытался разглядеть за нашими головами.

— Мамочки, — пискнула Любка, потому что тоже его заметила и начала заваливаться вправо, а справа была я и тоже начала заваливаться.

Витька джентльменски меня поддержал.

— Вы чего? — спросил испуганно.

— Ты откуда взялся? — брякнула я.

— Как откуда? С улицы. Мамаша посылала к Христофорычу, за пилюлями. А вы чего здесь ползаете?

— Все, нет больше моих сил, — заявила Любка внезапно, обретя сознание. — В Хохляндию возвращаюсь... Тьфу, поеду домой, в Украину. Пусть вся улица смеется, зато кровососам не достанусь, — она потрясла пальцем перед Витькиным носом, а он сказал:

— Не иначе как опять к косяку приложилась. Невнимательная. Все углы сосчитала, мамаша беспокоилась. Не за углы, за нашу Любку, голова-то ведь не чугунная.

[Купить полную версию книги](#)